Андрей Викторович Лысенков родился в 1988 году в Воскресенске. Окончил Московский государственный технический университет «МАМИ» (факультет автоматизации и управления). Работает инженером-технологом. Член Союза писателей России с 2007 года. Член редакционных советов альманаха «Воскресенск – моя родина светлая…» и антологии писателей Болгарии и России «Созвучие». Автор книги «Искушение светотенью». Стихи переведены на болгарский язык. Лауреат Московской областной премии им. Евгения Зубова (2015), Московского областного фестиваля-конкурса молодёжного поэтического мастерства «Звёздное слово» (2014), литературного конкурса им. Елены Слободянюк (2013). Награждён Золотой Есенинской медалью, медалями им. И. Бунина, Е. Зубова, Е. Слободянюк.

ВИСОКОСНЫЙ ВЕК

Андрей Лысенков

АНДРЕЙ ЛЫСЕНКОВ

Андрей
Лысенков

ВИСОКОСНЫЙ ВЕК

Издательский Дом
«СЕРЕБРО СЛОВ»
2015

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Л88

Л88 Андрей Лысенков. Високосный век. Стихотворения. / А.В. Лысенков. [Вступ. ст.: С.С. Антипов.]. – Коломна: Серебро Слов, 2015. – 160 с.: ил.

Книга молодого поэта Андрея Лысенкова приглашает читателя на интересный и вдумчивый разговор о вечных вопросах бытия и окружающего мира, стремительно меняющегося последние полтора десятка лет. Неординарные мысли раскрытые в строках, неожиданность рифм и точность образов дарят удовольствие в совместных поисках ответов.

Книга издана в авторской редакции.

Обложка: ***А.В. Лысенков***

Корректор: ***П.О. Громова***

Компьютерная вёрстка: ***Д.В. Минаев***

ISBN 978-5-906438-57-7

© Лысенков А., 2015
© Лысенков А., обложка, 2015
© Глебов С., Лысенков А., Лысенков В., Лысенкова О., Юрова Е., фото, 2015
© Серебро Слов, 2015

Дорогой читатель, ты держишь в руках новую книгу молодого поэта Андрея Лысенкова «Високосный век», которая оригинальна не только по названию, но и по своей внутренней сути. С юного возраста Андрей пишет стихи, которые год от года становятся всё лучше, ярче, мудрее. Несколько лет назад Андрей Лысенков был принят в члены Союза Писателей России, став самым молодым поэтом, удостоившимся этого высокого звания на Воскресенской земле. И произошло это, конечно же, не случайно!

«Всем сердцем верю в то, что тот, кто очень ищет,
Судьбу свою найдёт, не потеряв себя!» -

Эти строки молодого поэта можно прочитать в самом начале книги. Такое мощное внутреннее кредо поэта красной нитью проходит через весь «Високосный век», побуждая читателя постоянно находить ответы на вопросы, которые его волнуют. Как художник, влюблённый в яркие краски окружающего мира, Андрей, с помощью богатейшей палитры слов, рисует нам завораживающие картины Любви к родной земле, к природе, к женщине…

«Возьми мою ладонь и ласковые пальцы
Играючи вложи. И вновь поверю я,
Что всё мне по плечу, что беды и напасти –
Ничто, когда в моей руке – твоя!» -

Сила настоящей Любви делает человека практически всемогущим, толкает его на подвиги и вдыхает Смысл в каждый его шаг! Эту истину Андрей транслирует читателю, как парадигму, как путь к Счастью, которое все ищут, но находят немногие…

Можно много говорить о книге Андрея Лысенкова, но лучше всего, как мне кажется, просто прочитать её. Уверен, что «Високосный век» не разочарует даже самого взыскательного читателя!

Секретарь правления Московской областной организации Союза Писателей России Сергей Антипов

От автора

Високосный год... Кто-то ждёт его с опаской и тревогой, кто-то с надеждой на лучшее, но точно нет к нему равнодушных. Високосный год приносит нам один дополнительный день - день чтобы что-то изменить в своей жизни или даже изменить всю жизнь.

Каждый четвертый год мы учимся, работаем, дерзаем, творим, радуемся, грустим - словом, живём дольше, чем в три предыдущих года... Я сказал каждый четвёртый год? Простите мне эту маленькую ошибку!

Обратимся к истории. Когда-то давно, ещё до нашей эры, Юлием Цезарем в Римской империи был введён високосный год, дабы компенсировать нехватку 1 дня (ведь астрономический год равен 365 дням и 6 часам и, считая продолжительность года равной 365 дням, можно высчитать, что за 4 года набегает ровно 24 часа - земные сутки). Однако уже в Средневековье люди начали замечать смещение времени весеннего равноденствия, ознаменовавшего праздник Пасхи. И в конце 16-го века римский папа Григорий ввёл календарь, согласно которому только раз в 400 лет високосный год будет начинать новый век, то есть високосными годами были 1600 и 2000 годы, а следующим високосным будет ни 2100, ни 2200, ни 2300, а только 2400 год. Это значит, все жившие в 2000-м году прожили на день больше, чем проживут их потомки в 2100-м и в 2200-м и даже в 2300-м году. Но високосный 21-й век открыл и новое тысячелетие, чего не случится ещё двадцать веков...

И по прошествии полутора десятков бурных, таких разных лет, я говорю тебе, мой читатель: «Добро пожаловать в Високосный Век, в Високосное Тысячелетие!..»

Я в поиске... – ни муз, ни слов, ни снов, ни пищи.
Чего не видит глаз, но что придёт, слепя...
Всем сердцем верю в то, что тот, кто очень ищет,
Судьбу свою найдёт, не потеряв себя!

ТИХИЕ ВСПЛЕСКИ ЛЕТЫ...

Летние сумерки

Летние сумерки в городе нашем:
Замер в объятьях прохлады проспект,
Из фонаря опрокинутой чаши,
Из неподвижного кокона лампочки
Нежно-искристыми крыльями бабочки
Выпорхнет в тихие улочки свет.

Вновь на прогулку зовут ароматы:
Бархатцы в клумбах, чубушник у пня.
Запах корицы и перечной мяты
Будет витать над уютной кондитерской.
Бликом заката скользнёт по-над вывеской
Полуулыбка прощальная дня.

С чашкою кофе под вечер в кофейне
Будем гадать мы по гуще на дне,
Слушать мечтательно Баха и Черни –
Первый концерт пианистки молоденькой.
Влюбится примула на подоконнике
В бабочку света на тёмном окне.

Василёк над Нерской

В. И. Лысенкову, автору книги «Излучины бытия»

Там, за перелеском,
У сухих коряг
Василёк над Нерской –
Маленький маяк.
И к нему стремятся,
Серебрясь вдали,
Долгих моих странствий
Годы-корабли.
Торопясь по Нерской,
Мне несут привет
От истоков детства,
Устья зрелых лет.
И скользят беззвучно,
Бурям вопреки,
Вдоль крутых излучин
Бытия-реки.
Я стою у речки –
Взрослый человек.
Радость новой встречи
Каплет из-под век
В Лету с тихим всплеском,
Где душа моя –
Василёк над Нерской,
Маленький маяк.

Колокола отчуждения

В далях, что разрисованы тропами,
В пыль чужие следы обращаются,
Чтоб осесть и наш след увенчать.
Снова сердце гуляет под рёбрами.
Только дни, словно птицы, прощаются,
То бесшумно, то грустно крича.

Каждый вволю по тропам расхаживал,
Познавая всю радость движения,
Но мы стали другими уже:
Мы любуемся теми ж пейзажами,
Только колокола отчуждения
Растревожили что-то в душе.

Были тропы – чужими ль, заветными –
Но они нам судьбой предназначены,
И везде в небе солнце горит.
И мы ради других собой жертвуем,
Даже зная, что крови потраченной
Не хватает на все алтари.

Не живём вроде старыми травмами,
Не живём и желаньями праздными,
Так откуда ж в нас столько тоски? –
Искушенья нас делают слабыми,
Или ярость лишает нас разума,
Или ненависть рвёт на куски.

И мы ставили крест от отчаянья –
Помолиться. Но кто-то невидимый
Нам могилу под ним раскопал.
Перепутав прощенье с прощанием,
Эти долгих семь лет проходили мы
По осколкам разбитых зеркал.

В отвергающих нас мы влюбляемся.
Ждём, разрубит Дамоклов меч времени
Этот Гордиев узел любви.
И гадаем, зачем отправляемся
Снова в путь, где царит ветер северный,
К горизонту, что дымкой повит?

Мы идём – есть в нас жажда движения
С отголосками детской беспечности.
И вдоль троп мы посадим цветы,
Там, где колокола отчуждения
Нам звонят, где давно пылью Вечности
От других скрыты наши следы.

Лодка

Л. А. Дудину

О преходящей славе размышляя,
Поднял вопрос, как гирю весом в пуд:
Что более успех определяет –
Врождённый дар
Иль кропотливый труд?

В стихах не обойтись без искры дара,
В душе костёр что призвана будить,
А труд – сродни тушению пожара,
Что разгорается
В твоей груди.

Сродни работе долгой, плодотворной,
Чтоб лодку быстроходную срубить
И, опьянённый ветром и свободой,
Безбрежный Океан Времён проплыть.

Я парус непослушный расправляю,
Как делал раньше, в позабытых снах,
О преходящей славе размышляю,
Качаясь в крепкой лодке на волнах...

Мой дух

В день суровой зимы в глубочайшей из рек
В испареньях холодных, как в чаде,
Обо льды обрезаясь, тонул человек
И молил, и молил… о прохладе.

Он же – в центре пожарища чуть не погиб
Средь пустыни палящего зноя.
И в тот час он поведал друзьям дорогим,
Что желает тепла и покоя.

Без единой заминки стремился он в бой
И с врагом, и с преградой любою.
И пока не познал в этой жизни любовь,
Он не ведал ни страха, ни боли.

Чтоб в пучине жестокости не потонул,
Не сгорел от безверья людского,
Двери в сердце своё я ему распахнул,
Но он молча застыл у порога.

И тогда обернулся он духом моим,
Солью крови моей стал мгновенно.
Он не мал, но нам в теле не тесно двоим
И тонуть, и гореть ежедневно.

Антипод

Он другой... И пускай у него моя внешность,
Всё же мой антипод – по стремленьям и чувствам.
Он встречает меня своей вечной усмешкой,
Ну а в жизни прослыл интриганом искусным.
В мир богатых меня всё зовёт окунуться.
Улыбнётся – и кажется добрым, не грубым.
Но когда я стараюсь, как он, улыбнуться,
Изо рта вылетают все зубы.

Покоряя изнеженных роскошью женщин,
Он на чувствах играет, маня в своё ложе.
Он одет в дорогие и стильные вещи,
И по-женски мягка его белая кожа.
Подмигнёт и пройдёт – пролетит, словно пуля.
Я когда-то хотел стать таким человеком.
Но когда же, подобно ему, подмигнул я,
То до крови разбил себе веко.

Он был рядом, когда было в жизни мне плохо,
Выжидал провернуть одно плёвое дельце:
Чтоб, когда я «загнусь», с осуждающим вздохом
Подойти и пинком запустить моё сердце.
Чтоб увидеть, когда от мечты отступлю я,
От друзей удалюсь и себя сам разрушу.
А когда я пытаюсь в лицо ему плюнуть,
То он первым плюёт – в мою душу.

В его серых глазах есть спокойная сила –
Как свинцовое небо, в котором спят грозы.
И он держит себя отстранённо-спесиво.
И не глуп, отвергает любые вопросы.
Он такой человек... Пусть тщеславен и горд он,
На его счетах в банке приличные суммы,
Но когда же гитару он будит аккордом –
Во мгновение рвутся все струны.

Сонет при свече

Не раз я замечал: когда кого-то любим,
То в чувствах и словах доверьем дорожим.
Но почему ж не лжём – и незнакомым людям –
А от любимых ложь приходит в нашу жизнь?

Так душу червь грызёт – что не хватает крика.
Лишь сердце бьётся там, внутри привычной тьмы.
И мысль меня гнетёт, как подлая интрига:
«Теперь ты весь в грязи, которую не смыть!»

И в тягость тишина, и раздражают звуки.
Слова спешат сойти на белый лист скорей.
Соседке по столу – свече – я тайно муки
Доверю... И сожгу – как ведьму на костре.

...Стихи не притупят собою боль разлуки,
А сделают её во много раз острей...

Как много теплоты в твоей печали

Оленьке

Бывают дни, в тяжёлых размышленьях
Идти готов я хоть за сотни вёрст.
И мрачно неприкаян, словно тень я,
Но довести боюсь тебя до слёз.

В такие дни себе не доверяю,
В сомнениях гляжу на жизни путь.
Внутри себя все чувства затворяю,
Но ты всё видишь – и не прячешь грусть.

Как много теплоты в твоей печали,
Как взор твой нежен в хмурый час тоски…
Мы тягот и невзгод не замечали,
Друг другу становились вновь близки.

Твой взгляд ищу я всюду неустанно –
Он хочет поддержать и вдохновить.
И мне неловко и притом отрадно
Его в минуту трудную ловить.

Как много теплоты в твоей печали…
И ты заметишь, что я редкий льстец.
Друг друга от себя не отпускали
Взаимным притяжением сердец.

Твой образ силы дал в ненастный день мне,
Твой голос вести добрые принёс.
К тебе я убегаю от сомнений
И возвращаюсь из-за сотен вёрст.

Как много теплоты в твоей печали…

Маяки

В час боли, беспощадной бури полный,
И в сильный дождь, чьи капли – как плевки,
Ты, качкой утомлённый, через волны
Огни увидишь – это маяки.
Свет – ярок, чист, как далеко б ты не был,
И много выше, чем девятый вал.
Они стоят и будто держат небо,
Чтоб тяжкий груз его ты не узнал.
Когда – усталый и разбитый шквалом,
А силы плыть – совсем невелики,
Они ведут сквозь мели, рифы, скалы,
Они одни такие – маяки.
На малом островке надёжной тверди
Они тебе помогут, хоть на миг,
Увидеть мир, где нет порывов ветра
И едкой соли сплетен и интриг.
Они помогут отыскать решенья
Всем козням и ловушкам вопреки.
И снимут боль от горького лишенья,
Тебя поймут и примут маяки.
Делясь проблемой ли, бедою личной,
Благодаришь их, трепетно любя
Любовью, но такой эгоистичной,
Что иногда и стыдно за себя.
Лишь в час угрюмый штормового ветра
Они по-настоящему близки.
И в бурю ждут, и бескорыстно светят
Они – кто в твоей жизни маяки.

Девчушка у ручья

Я встретил, где с холма ручей бежит,
Девчушку в самой гуще крон лесных, –
Свои ладони лодочкой сложив,
Черпала влагу тёплых дней весны.

Я с любопытством на неё глядел –
Была так умилительна, легка,
И небо, отражённое в воде,
Она, смеясь, бросала в облака.

Увидела меня – и смех угас,
Забаву прекратила в один миг.
Пропало счастье из задорных глаз,
Печалью озарился детский лик.

Я поспешил сказать ей: «Извини,
Что твоему веселью помешал.
Я знаю, отдыхать в любые дни
Приятно у ручья. И, не спеша

По важным ли делам иль пустякам,
Задуматься, присесть и погрустить,
Забыть о суете и ручейкам
Два-три часа спокойно посвятить».

«Зачем грустить и думать над ручьём? –
Ответила девчушка, поднялась. –

Вот я – не размышляю ни о чём,
А просто отдыхаю, веселясь!»

И я сказал: «В кругу друзей, врагов
И просто незнакомых мне людей
С улыбкою общаться я готов
Среди приятных и печальных дней.

И скукой никого не раздражать
Среди веселья и, наоборот,
Чтоб друга своим смехом поддержать
На самый «бородатый» анекдот.

Увы, в час одиночества вся грусть
И скука рвутся из забытия».
«Я в этом всё никак не разберусь, –
Она в ответ. – Но, может быть, и я,

Как вырасту, то окунусь в печаль,
И радость не придёт уж погостить…
Но… вдоволь я навеселюсь сейчас,
Чтоб взрослой не скучать и не грустить!»

И радостно взглянула мне в глаза,
Как сложную проблему разрешив.
А я стоял, не зная, что сказать,
И просто улыбнулся – от души.

Часть жизни

Моментом в миллионе лет
Зовётся жизнь.

Scorpions

Пусть год прошедший бусинкой нанизан
На леску жизни, как и все года,
Есть промежуток времени – часть жизни, –
Который мы запомним навсегда.

На склоне лет остатки дней так сладки.
Но, может, и не сладки – что ж, Бог весть...
Часть жизни все мы ищем недостатки,
Часть жизни мы довольны тем, что есть.

Мир ценностей подчас изменчив, зыбок,
И в нём нужда летит сквозь наши дни...
Часть жизни мы не ведаем ошибок,
Часть жизни мы за то себя виним.

Наш вкус изменчив, к роскоши стремимся,
Но часто не хотим мы ничего...
Часть жизни одиночества страшимся,
Часть жизни мы приветствуем его.

Бедняк, богач или талантом признан,
Тихоня иль привык сплеча рубить,
Ты будешь вспоминать все части жизни
И, примирившись, каждую любить.

Небесный плот

По бескрайнему взморью студёного неба,
Как в тумане, плыл облака плот.
А земля опустела и обледенела,
Отрешилась от дум и забот.

И забывшийся в дрейфе смиренно-печальном,
Плот растаял в ночи без следа.
Неужели и мы рождены изначально –
Только сгинуть во тьме навсегда?..

Плот не знал, что такое привязанность, узы –
Жил одним притяженьем земным,
Не познал и ошибок тяжёлого груза,
И ничто не довлело над ним.

Ни о чём не взгрустнул, уплывая навечно,
Ни о чём не вздохнул глубоко.
Почему на земле нам не жить так беспечно
И не плыть так воздушно-легко?..

Покрывая следами земные дороги,
Мы поймём: в небесах не прожить –
Крепко держат свои и чужие тревоги
И не могут никак отпустить.

А над нами, стремясь в даль лазурную, где бы
Отыскался покоя оплот,
По бескрайнему взморью студёного неба,
Как в тумане, плыл облака плот.

Скворечники детства

В какие же всё-таки странные вещи
Я верил в безоблачном детстве своём:
Что лета тепло, пока солнечным днём
Скворцы не вернулись из тёплых краёв,
Зимует от всех незаметно в скворечнях.

Пусть миф этот был очень скоро развенчан
И много воды с той поры утекло,
Но к домикам этим, как в детстве, влекло.
В душе моей сразу светло и тепло
Становится, только взгляну на скворечник.

А нынешним детям – уж не до птенцов,
И песни пернатых совсем не прельщают.
Они и скворечников не замечают.
Но больше иное меня огорчает –
Всё реже я сам наблюдаю скворцов...

Примирение

Ночь. Скрипучий диван,
И теней караван,
За окном – сонный ветер гудит.
Скудный свет – соло бра.
И твоя голова
Замерла у меня на груди.

Шнур от бра – как лоза.
Ты мне смотришь в глаза –
Этот взгляд я пытаюсь понять.
Ты прошепчешь мне вдруг:
«Твоего сердца стук
Мне так нравится слушать опять!»

Я тебе улыбнусь:
«А мне нравится грусть
И улыбка фиалковых глаз!»
Кто б поверил в тот миг,
Что, срываясь на крик,
Жарко ссорились весь прошлый час.

Мне не вспомнить и дня,
Чтобы злоба меня,
Как в тот час, зажимала в тиски.
Я боюсь с этих пор,
Бремя мелочных ссор
В нас посеет раздора ростки...
Сердце бьётся сквозь тьму,
И не в тягость ему
Даже клетки грудной вечный плен.
Расшифруй этот стук:
Моё сердце – паук
В паутине артерий и вен.

И безмолвный паук
Чутко слушает звук:
Кружева твоих трепетных слов.

И ему так легко,
Вот коснёшься рукой –
Взмоет ввысь, выше всех облаков,
Созерцая весь путь
Ту прекрасную грусть
И улыбку фиалковых глаз.
Воспарит в миг любой...
Лишь бы только с тобой,
В паутине твоих нежных ласк!

Круги

Спасительная твердь исчезла под ногами –
В отчаянье искать стал Ариадны нить.
Ещё недавно шёл широкими шагами,
А нынче я стою – и некуда ступить.

А что там впереди, где смутные туманы
Вздыхают тайным злом и горькою бедой,
Где гладь прудов слилась с болотами обмана,
Пугает зыбким дном и тёмною водой?

Но где здесь топь, где брод? Я разогнать руками
Пытался страха дым. Но всё равно – ни зги.
Прохожий человек сказал: «Кинь пробный камень,
Приметь, в каких местах появятся круги».

Взошла луна, и свет на воду лёг – как проседь...
И я тону. Никто мне не подаст руки...
С какой же силой смог я этот камень бросить,
Что *по болотной жиже* ко мне пришли круги?!

* * *

Глаза смотрели в небо не моргая,
Боясь, быть может, что-то пропустить,
А может быть – прощенья ожидая,
Или стремясь кого-то – в нём – простить.

Глаза смотрели в небо неподвижно,
И каждый миг был самым дорогим.
И виделось в закате цвета вишни,
Чего увидеть не дано другим...

Как быстро всё стемнело и остыло,
Когда, смахнув остатки тусклых грёз,
Глаза остекленевшие закрыла
Рука чужая, мокрая от слёз...

Любовный треугольник

Две девушки меня однажды полюбили,
Подруги обе – не разлей вода.
И так они милы, и так прекрасны были...
По ним томился я, как никогда.
В осенний день конца недолгого романа
Пришла одна из них, сказала мне:
«Я знаю, что любовь меж нами без обмана,
Но всё ж подругу любишь ты сильней.

Расстанемся давай, чтоб я вам не мешала!» –
И выбежала вся в слезах за дверь.
А вечером её подруга постучала.
«Прости, мой друг, я вижу всё, поверь, –
Вдруг молвила она мне грустно, беспокойно. –
Поэтому хочу признаться я,
Что так слаба, твоей любви я недостойна,
Из-за меня несчастна жизнь твоя…

Но выход здесь один – нам надобно расстаться!» –
Решительно ступила за порог.
Не переубедил её, как ни старался.
Пытался удержать, увы – не смог…
И мысли в голове (ох, как невыносимы!)
Меня затем пытали много дней:
Неужто стал я вдруг преградою меж ними?
Что, дружба им – любви ко мне важней?

За что-то ли не мил подругам больше, или
Сей «треугольник» стал их раздражать?
А может быть, они и вовсе не любили,
А правду побоялись мне сказать?
Но лишь один вопрос – такой простой, казалось б, –
Гораздо больше мне волнует кровь:
Хотел бы всё же знать, в том сила или слабость –
Другому отдавать свою любовь?

В мирах твоих волос

Оленьке

Знала бы ты, что я вижу, что я чувствую,
что слышу в твоих волосах!

Шарль Бодлер

Я более всего люблю в твоих объятьях
Неспешно обонять волнистый шёлк волос.
В них пальцы погружать, в свои ладони брать их,
Забывшись глубоко во власти ярких грёз.

Я веки опущу и вижу ширь пустыни
В тот редкий час, когда разверзся небосклон
И усмиряет дождь клубы песка и пыли...
И до мурашек я, очнувшись, поражён!

Глаза закрою вновь - и джунгли обступают:
Сквозь чащу на слоне погонщик путь торит;
На влажном зное дня под носом закипает
Смесь запахов: ваниль, корица, тамаринд...

Закрою в третий раз и окажусь на взморье
Скалистых берегов, чей вид меня пленит,
Где ледники, блестя на синем кругозоре,
Сражаются с волной, что к рифам их теснит...

О, дивный аромат - под аккуратной чёлкой
И в собранном пучке, в тугом плетенье кос!
Как я хочу мечтать и размышлять о чём-то
В объятиях твоих, в мирах твоих волос!

* * *

(акростих)

Я шёл к незабудкам туманным холмом
Тропою вдоль сонной травы босиком,
Едва озарённою первым лучом.
Безоблачной ночью вчера на юру
Явилась ты феей, затеяв игру:
Ладони сводя над студёным ручьём,
Ютившемся между замшелых камней,
Брала в горсть воды незабудки полить...
Лазоревым взором смогла в полутьме -
Юна и красива - меня покорить...

Вино и страсть

Красное вино ты пьёшь в постели.
Лишь вино и страсть для нас двоих.
Вот уже и щёки заалели
Аж до самых ямочек на них.

Страсть в твоих глазах зовёт, сверкает,
С губ твоих вино, как с лепестка,
С подбородка да на грудь стекает,
Каплет с затвердевшего соска.

Льётся страсть – и ей не видно края,
Мы среди её горячих струй.
И вином вся кровь во мне играет.
И я пью твой терпкий поцелуй.

ЛИКИ В ЧАСАХ...

Газетная кровь

Холод ровных столбцов я не в силах нарушить.
Я читаю убийство, всё тело – в огне.
Только кровь из газеты мне капает в душу
И все чувства, мечтания пачкает в ней.
Как всё просто – до ужаса! Мощью пожара
Все надежды сожжёт жизни страшный урок…
Будто *я* заношу этот нож для удара,
Будто *я*, ухмыляясь, спускаю курок!

Никому не помочь, не спасти от расправы –
Словно я безучастно стою в стороне.
Лишь горячая горечь с осадком отравы
От бессилья со стоном вздыхает во мне.
Но внезапно затронуло и захлестнуло,
И от мысли проснулась глубокая дрожь:
Это будто в *меня* смотрит чёрное дуло,
Надо *мною* как будто заносится нож!

Строки время сотрёт, пожелтеет газета,
И забудется эта статья навсегда.
Только горе ещё будет долго жить где-то.
И навеки загублена чья-то судьба.
И в душе незаметно назрела тревога:
А зачем я читал эту жуть, беспредел?
И *неужто* хотел, чтоб убийца не дрогнул?
Неужели я чьей-либо смерти хотел?!

* * *

На предучебной практике в Дубровке
Четыре парня в редкий перерыв
В непринуждённой дружной обстановке
Общались, о работе позабыв.
Теплом последним август проставлялся,
Но осень подступала втихаря.
Курили трое – дым их лиц касался.
Четвёртый – воду пил, на дым смотря.
Вот троица: Денис со взглядом умным,
А рядом Саша – тот ещё шутник,
И Толик, что из них был самым крупным,
Смеётся громко, к тополю приник.
Четвёртый – всё молчал, слегка был скован
(В контексте – пусть он будет имярек).
Друг с другом раньше не были знакомы,
А практика свела их в тот четверг.
Ждала пора их первого семестра,
Экзамены, студенческая жизнь.

Идти готовы были против ветра
И сдюжить вмиг судьбы любой каприз…
Однако нож безвестного подонка
Дениса через месяц погубил.
Внезапно Сашу бросила девчонка,
И он в тоске на сессию «забил».
А Толик вдруг ударился в загулы
И позабыл дорогу в институт.
Так часто и так сильно ветры дули,
Судьбы каприз бывал жесток и крут.
А тот студент – четвёртый, некурящий –
Их место встречи часто проходил.
Из тех парней общительных, шутящих
Остался в институте он один.
И вспоминать ему не раз случалось:
И перекур, и лёгкость тех бесед,
Когда всё будто только начиналось
Под горько-сладким дымом сигарет…

* * *

Две девушки под окнами курили:
Я видел дым и слышал разговор,
Как им «подруги» подлость сотворили,
Парней их увели вчера «на спор»,
Все парни, как один, обрюзгли, спились.
Неверен, лжив теперь любой мужик!..
Я девушек не видел, но явились
Пред взором две прокуренных души.

Сонеты упадка

1.

Я вижу пляску трав в зелёных островках
Среди пустых полей, страдающих эрозией.
Я слышу тихий стон, впитавший боль и страх,
Что испустил металл, истерзанный коррозией.

Теперь его себе земля вернуть спешит:
Из недр был извлечён людьми металл когда-то
И в остов превращён чудовищных машин,
Терзавших грудь земли, над ней вершивших жатву.

И вот один из них себя молит простить,
Встречая день и ночь на зыбком пыльном ложе –
Как разрушенья мощь не смог в себе нести,
Хозяевами был немилосердно брошен.

Живущий лишь мечтой прощенье обрести,
Король минувших дней унижен и низложен.

2.

Упадок, словно спрут, опутывает мир,
Таясь за спесью стен, заборов, ограждений.
Он многое разъел, ослабил и сломил,
И забытью предал, отсрочив возрожденье.

Разрушен, мрачен, пуст и всеми брошен цех –
Лишь гул погнутых труб и ветер, как дозорный,

Проходит по нему меж сонма жутких эх,
Разбрасывая пыль, как гибельные зёрна.

В громадной луже, что у сорванных ворот,
Архипелаг руин – безжизненные шхеры.
Но здесь, над чернотой густых стоячих вод,
Зазеленел росток, как символ новой эры.

Возвысил жизнь росток, пробивший грунт
бесплодный,
Над ржавою землёй, над смертью рукотворной.

* * *

Расслабляюсь и внимаю я шептанию волны.
Ветра свист, песчаный шорох – ни мгновенья тишины.
И навстречу звукам утра повернусь я на восток,
Упаду, подобно волнам, в лунно-сливочный песок.

Предрассветным красным взморьем подойдёшь ты
не спеша.
Каждой белокурой прядью по рубашке мне шурша,
Молча надо мной склонишься. Море, приобняв утёс,
Пену красит в нежно-белый – точно в цвет твоих волос.

Ты взволнована, как море, и сияешь, как звезда,
Но в очах твоих спокойна светло-серая вода.
«Пусть покой бездонный будет навсегда благословен!» –
Прошепчу, припав щекою к теплоте твоих колен.

Алый Феникс
(странный сон)

1.

Тёплый сумрак на площадь ступал,
И вода танцевала в фонтанах.
Шла процессия в Жертвенный Парк –
В балахонах и мрачных сутанах.
Сквозь толпу, что ждала чудеса,
Шёл Монах, факел нёс отрешённо.
И хвостом раздражённого пса
Лишь метался огонь напряжённо.
Над молчаньем всеобщим царил
Барабанов чарующий рокот
И ворот, что слуга отворил,
Удивлённо-раскатистый грохот.
В парке на перепутье ветров
Ароматная чаша стояла
Посреди циферблата часов –
Тень её узкой стрелкой лежала.
А Монах подошёл не спеша,
Нараспев произнёс заклинанье
И, неровно и часто дыша,
Факел к чаше поднёс в трепетанье.
Стрелки тень испарилась с часов –
Шаром огненным чашу извергло,
Что вулкан из причудливых снов.
И часы скрыло мощное пекло.

Взгляды вдаль обратились, к горе,
Вырос гул в толпе многоголосый –
Алый Феникс летел на заре
Из Дворца Нисходящего Солнца.

2.

Принеся сердца страстного жар,
На часы приземлился бесстрашно
И глотнул ароматный нектар
Прямо из раскалившейся чаши.
А затем поднял голову ввысь
И расправил горячие крылья.
Он запел смело, что пел всю жизнь –
Песню, полную правды и силы.
Этой песней уже много лет
Проникался мудрец и невежда.
Феникс лил окружающим свет –
Свет любви, и добра, и надежды.
И, допев до конца, вдруг затих
На последнем решающем слове,
Обратившись затем в один миг
В пышный смерч пламенеющей крови.
Смерч змеёю уполз в небеса,
И народ созерцал раболепно,
Как певец, что творил чудеса,
На глазах возрождался из пепла.
Молодыми крылами взмахнув
И тряхнув головою по-птичьи,
Алый Феникс в родную страну

Улетел с ободряющим кличем.
И, собравшиеся посмотреть
На него, знали: Феникс вернётся –
Песней мир освещать им и впредь
Из Дворца Нисходящего Солнца.

Накрой мою ладонь

Прошу, накрой ладонь – мою ладонь своею.
Решительно-легко – так можешь только ты.
Я тотчас же замру и выдохнуть не смею,
Боясь рассыпать горсть дарёной теплоты.

Погладь мою ладонь – я не создам препятствий,
Невидимую пыль тревожности смахни.
Дай ощутить твой пульс, где мягкий сгиб запястья…
О, вся твоя рука – божественный магнит!

Сожми мою ладонь в минуты неудачи,
Сколь б ни был тяжек путь и ни велик урон,
Вели собраться мне, идти немедля дальше,
Чтоб всё перебороть – сожми мою ладонь.

Возьми мою ладонь и ласковые пальцы
Играючи вложи. И вновь поверю я,
Что всё мне по плечу, что беды и напасти –
Ничто, когда в моей руке – твоя!

На перроне

Мы стояли молча на перроне,
Провожая взглядом электрички.
По карманам прятали ладони,
А в ушах – наушники-затычки.

И, смотря, как две полоски стали
Вдаль ведут громоздкие машины,
Мы с тобою никого не ждали
И на поезд вовсе не спешили.

И сияньем хрупким, быстротечным
Укоряли семафоров лики:
Мы привыкли жить легко, беспечно,
Забывали о родных и близких.

Но у жизни нет путей запа́сных.
И теперь стоим, как в наказание.
А за что? – хотели мы (напрасно!)
Верить и любить по расписанию.

Может, где-то между шпал схороним
Все свои зловредные привычки…
Мы стояли молча на перроне,
Провожая взглядом электрички.

Перед распятием

В тот день, когда ещё совсем ребёнком
Я в церкви оказался в ранний час,
Стоял, картиной жуткой впечатлённый,
Не в силах отвести в испуге глаз.
У алтаря в углу в потоке света
На небольшой от пола высоте
Был дядя – весь измученный, раздетый.
И он висел, распятый, на кресте.

А я ещё тогда пугался крови,
Не знал, что мир бывает столь жесток.
Зажмурился, что побелели брови –
Увиденному верить я не мог.
А видел – боль в глазах его закрытых,
Печать страданий, что свела уста.
Но что ж никто не прекратит сей пытки,
Не снимет дядю бедного с креста?

Приблизиться и снять его – так просто!
И к взрослым я взываю неспроста:
Я слаб ещё, во мне так мало роста,
И мне не дотянуться до Христа.
Но взрослые застыли пред страдальцем,
Молят об искуплении грехов.
Помочь же – не пошевелят и пальцем,
Как будто есть запрет – снимать с крестов!

Никто из прихожан, стоявших рядом,
Ему облегчить муки не посмел.
И он, впитав их каменные взгляды,
Уже и сам давно окаменел…
А гром не грянул – в церковь нос не кажут.
И преспокойно могут рассудить:
«А грех любой – насколько б ни был тяжек –
Мы покаяньем можем искупить.

Покаявшись – забудем». И понять я
Такое не могу. Мне б закричать:
«Раз смотрите спокойно на распятье –
Так сами, значит, можете распять!»
Они – холодны в собственной юдоли,
Неравнодушны лишь к своей судьбе,
Слепы, глухи к чужой беде и боли,
Всегда их мысли только о себе.

Но что в других будить пытаюсь стыд и
К ним в этих строках беспощадно строг? –
Не раз себя корил и ненавидел,
Когда помочь кому-нибудь не смог.
Но в мире равнодушия и скверны
Неужто в заблужденье нахожусь?..
И пусть – нет! – не отрёкся я от веры,
Но в церковь вновь пойти всё не решусь.

* * *

Я не считаю, сколько дней
Чужая кровь бежит во мне.

В груди моей – ты верь – не верь –
Чужого сердца стук теперь.

И всё, что жизнь земную длит ,
Мне больше не принадлежит.

Всё, чем обязан я судьбе,
Навеки отдано тебе...

Покуда рядом ты со мной
И взгляд бросаешь озорной,

Целуешь нежно и легко,
Мне и не нужно ничего!

Кошачие глаза
(сонет)

В ночи, наполненной кабацким кислым духом,
Проулком тёмным брёл, следя устало за
Качаньем на ветвях листвы уныло жухлой,
Как два кинжала вдруг вонзились мне в глаза –

Два всплеска, два огня, что ночи ткань вспороли
И, яростно сверкнув, исчезли во дворе.
Шипенье донеслось, знакомое до боли,
И абрис различил я кошечки своей.

А позже, в час, когда я в кресле у камина
Скучал, мурлыка та в ногах лежала сонно,
Волной пуская хвост, мяукая невинно.
Когда на окна псом набросилась гроза,
С опаскою в душе ей шёрстку гладил, помня,
Как пламенели зло кошачие глаза.

24-й апрель

Скажи мне, куда же ты мчишься в день таянья снега?
Скажи, а зачем ловишь встречный ветер в прыжке,
Ворон раздражая, в сугроб ты ныряешь с разбега,
Который как мякиш, вымоченный в молоке?

Ты чувствуешь то же: сумеем понять мы друг друга –
Так ну же – смелей – свои мысли, планы открой,
И будем вдвоём хохотать, а в дымящихся трубах
Услышим зов ветра с прокуренной хрипотцой.

А может быть, я – это ты? Подожди, в самом деле,
Мне тоже близка ранних зорек мокрая медь.
Я был в прошлой жизни своей вечно юным апрелем,
Сошедшим на Землю, чтоб наконец постареть.

Сорвавшийся с цепи

Звук донёсся с окраин безрадостной ночи
Там, где окна тонули в слезах темноты.
Металлический звук становился всё громче,
Взбаламутив обитель сплошной немоты.
Сторонясь излученья светил неусыпных,
Будто сам – плоть от плоти – опальная тень,
Убегал грязный пёс из породы настырных
И отчаянных. Был позади долгий плен.
Он бежал и молил, чтоб разбитые лапы
От ищеек тиранов коварных спасли.
Чтобы через все ямы, коряги, ухабы
От безумия и произвола несли.
Но глаза, что блестели надеждой скупою,
В темноте обречённой казались слепы.
Пёс, как прошлого бремя, тащил за собою,
Словно каторжник, звенья тяжёлой цепи.
Мрачный город, враждебный к нежданному гостю,
Беспощадно давил тишиной, словно склеп.
Но, ввергая всех жителей в страх, в беспокойство,
Вызывающе бряцала ржавая цепь.
И украдкой, сквозь жалюзи и занавески,
Все высматривали – это кто там не спит?
«Может, впустим?» – вдруг голос
послышался детский.
Был ответ: «Никогда! Он – сорвался с цепи!»

Что ж, таков приговор закосневших и слабых!
Только вдруг у того, чей ответ был жесток,
Будто горло сдавили незримые лапы,
Или шею невидимый сжал поводок.

Високосный век

Том стихов веков минувших. Длится
Вечер за окном, а на страницах –
Пышность рифм и лёгких строк разбег.
И приходит мысль: «А повторится ль
«Золотой», «Серебряный» ли век?

Или за часами стихоплётства
Мне прожить, быть может, доведётся
«Золотой», «Серебряный» ли год?»
Но страница мной перелистнётся,
И другая мысль затем всплывёт:

«За окном сменяют зимы вёсны,
И в каком же времени несносном
Нынче я творю?» И ей в ответ:
«Век был начат годом високосным,
И живёшь ты в Високосный век!»

В Измайловском парке

сестре Елене

В Москве мало мест, где уют и покой,
Куда суете путь заказан,
Где жизни ток чувствуешь сразу,
К древесной коре прикоснувшись рукой.

Где ходит по пруду игрушечный барк,
Командами с пульта ведомый,
Тропой, нам обоим знакомой,
Неспешно ты входишь в Измайловский парк.

Быть может, заметишь с волненьем в груди
Вокруг увядания знаки.
Когда я бывал в этом парке,
То осени шаг различал позади.

Знакомо? Наверно расстроишься ты…
Но, знаешь, не всё так печально:
Чем больше тех знаков встречаю,
Тем жизнь мне дороже и ярче мечты.

Я понял, гуляя на узкой тропе,
Что юность свою, своё детство
Навек передал по наследству
Спешащей в Измайловский парк детворе.

* * *

…И кажется мне, то,
что небом нарекли мы,
Старейший колокол –
бездвижен и велик.
И лишь над головой
проносится незримо,
Едва не задевая нас,
чудовищный язык.

Ударит в колокол,
но мы не слышим звона –
В ночи волной упругою
впиваясь в тело нам,
Вливает яд тоски
и скуки многотонной,
И монотонный
гул в ушах терзает по утрам.

Однажды день придёт,
когда перевернётся
Подколокольный грешный мир –
в обломках и пыли:
И дрогнет колокол,
и колокол качнётся,
Чугунною стеною нас
сметая в Ад
с Земли.

Отцу

Снова тянет сплетать тонкой рифмою строчки
В строф узорчатый замысловатый покрой.
И стремится принять точных слов оболочки
Моих мыслей назревших встревоженный рой.
Где найти те слова? Выбор мой будет трудным:
Что явилось на свет иль явиться могло,
Было мелким, высоким ли, нежным иль грубым –
Свой эпитет и образ давно обрело.

Сочинить о любви, чтоб без фальши звучало,
Волновало б, и чтобы до стука зубов
Пробирало и с первых же строк окрыляло,
Дабы поняли всё и без слова «любовь».
Сочинить бы про жизнь так, чтоб правда и смелость
Наполняли собой каждой буквы изгиб,
И вело путём истинным, чтобы хотелось
С пользой жить самому и давать жизнь другим.

Сочинить о России… Тревогам, сомненьям
Предпочту я надежду и веру в людей.
Убеждён я, что высшая степень взросленья –
Непреложно о родине думать своей.
Сочинить и о смерти – спокойнее, тише,
Лаконично, без пафоса, без чепухи.
Почему? Это смерть – она может услышать
И, придя… не прочтёт, не оценит стихи.

Что ж доверить перу? И чему бы отдаться
Всей душой, полной бурь, беспокойства и грёз,
Чтоб хотя бы одною строкою остаться
В чьём-то сердце Вселенной, свободной от гроз, –
Миром из путеводных негаснущих звёзд?

* * *

Мы укрылись с тобою в троллейбусе от непогоды,
А который маршрут – было, в общем-то, нам всё равно.
Сели мы у окна, но пейзаж искажали разводы,
И стекло от дыханья стало туманным пятном.

А троллейбус дрожал и спешил к остановке конечной.
И, в пути на сидениях жёстких обсохнув едва,
На согретом стекле рисовали цветы и сердечки,
Выводили несмело невысказанные слова.

На конечной усталый водитель открыл в ливень двери –
Все слова и рисунки исчезли за пару минут.
Только мы и не думали вовсе тужить о потере.
А кондуктор сказал, что троллейбус закончил маршрут.

Мы вернулись опять в мир промозглый
и недружелюбный,
В мир, который и вовсе забыл о душевном тепле.
И тогда понял я: мы на фоне толпы многолюдной –
Словно тёплые пятна на вечно холодном стекле.

Жажда грозы

1.

Вновь по венам, как по проводам, напряженье.
Атмосфера наполнена влажным дыханьем грозы.
Тучи в небе – суровые воины перед сраженьем –
Собрались в строй неровный на ветра холодный призыв.

Изметался мой дух в окружении ливня,
И он полон отчаянья гордого и мятежа.
И беснуются ели – верхушек мохнатые клинья
Уклониться от молний торопятся, как от ножа...

Чуть затихнет – в окно брошу взгляд обречённый
На тропу, где змеятся промоины и борозды.
Только дух мой несносный – усталый и опустошённый –
С нетерпением ждёт вакханалии новой грозы.

2.

Определён ступнёй холодный контур плитки –
Во влажный мрак дождя балкон я растворил.
Развешанный халат, весь вымокший до нитки,
Подолом обнимал балясины перил.

Из-под перил во двор, где буря голосила,
Глядел халат мой, как боец из амбразур.
Вот так и я готов вцепиться со всей силы
В надежде пережить ещё одну грозу.

Вот так и я готов, борьбою разъярённый,
На крохотном клочке принять неравный бой,
Но только чтоб потом, сраженьем изнурённый,
В обители сухой я б познавал покой.

Медленный танец

Помню я ночь безмятежную –
Жгла нас каскадом огней.
Только их блеск был слабей
Милых очей взгляда нежного.

Комната полнилась вспышками
Фар запоздалых машин.
И твоему «Не спеши!»
Всё ж подчинялся не слишком я.

Крашеных век полумесяцы
Светятся в теми ночной.
В медленный танец с тобой
Наши уста жарко встретятся.

* * *

Лес – корабль мой скрипучий о тысячи мачт,
И листва шелестит, словно пена морская.
Над моей головой – ранней зорьки кумач
К светлым гаваням детства меня увлекает.
А у старой тропы пень – моряк записной,
Правит судно моё к берегам поры давней.
Я на палубе встал – на опушке лесной,
И качаюсь на зарослях воспоминаний.

Прощай, печаль!

И вроде жив и здоров,
И вроде жить – не тужить,
Так откуда взялась печаль?

Виктор Цой

Прощай, печаль, прощай, зверёк мой тихий,
Тебя пригрел я на своей груди.
Ты выросла среди промозглых вихрей,
Но нынче я прошу тебя, уйди!
Как долго ты в душе моей томилась,
Но впредь тебя не буду привечать.
Покинь меня сегодня, сделай милость!
Прощай, прощай, печаль!..
Привет, печаль!

Сложу я без признаний откровенных
Тебе сей незатейливый этюд.
Опять твой лик глядит с часов настенных,
Чьи стрелки безнадёжно отстают,
Вморожена в квадраты зимних окон,
Врисована в непознанную даль...
И снова прошепчу я ненароком:
«Прощай, прощай, печаль!..
Привет, печаль!»

А жизнь течёт в спокойном постоянстве.
И крепок чай, и снег всё так же сед.
Опять, печаль, в лазоревом пространстве
Я вижу твой трассирующий след.
И пусть ты не подвластна моей воле,
Я научусь тебя не замечать.
И в шутку про себя тихонько молвлю:
«Прощай, прощай, печаль!..
Привет, печаль!»

СРЕДИ БЕЗВРЕМЕНЬЯ...

Завет

1.

Учись во всём разумно сомневаться,
Умей нащупать скользкой лжи покров.
И в людях различать черты коварства –
Лишь не предаст одна родная кровь.

Пусть даже вызнать правду нет ни шанса –
Терпи, не отступайся никогда!
Из вежливости реже соглашайся,
Стой на своём – и будешь прав всегда.

Но не пылай ни гневом, ни любовью –
Эмоции туманят разум твой.
Не бойся, не спеши, владей собою
И ты клубок распутаешь любой.

Пусть факты, словно узелки на пальцах,
Стяжают мысли – ты признай их власть.
Советы слушай, но остерегайся
Под чьё-либо влияние попасть.

Поберегись и стать рабом сомнений,
Зря скрытый смысл повсюду, как мираж.
Не оступайся в пропасть подозрений,
Знай: поиск правды – не пустая блажь!

Не уповай, что всё решат прозренья,
Имей терпенье всё преодолеть,
Не будь и легковерным, ведь сомненья
Помогут преуспеть и помудреть.

2.

«Береги друзей от своих врагов!» –
Был в один из дней мне завет таков.

Я завету внял и друзей хранил.
Сам врагов гонял, не жалея сил.

Враг нашёл изъян – победил. Тогда
Собрались друзья супротив врага.

Был расправы той предрешён итог:
Каждый рвался в бой, был в бою жесток.

Знать, стремились так дружбу доказать.
А разбитый враг еле смог сбежать.

И я запер дверь, опустел мой кров.
А друзья теперь – пострашней врагов...

Мой завет таков: в пору трудных дней
Береги врагов от своих друзей!

Черновик

Как приятно бывает открыть
Черновик своих детских стихов,
Их дыхание вновь ощутить,
Вняв порывам мальчишечьих строк.
Как флакон позабытых духов,
Что в старинном комоде найдёшь:
Аромат из него долгий срок
Ждал, когда полной грудью вдохнёшь.

* * *

Камни. Лёд. Несчастный пленный –
Вмёрз в скалу разбитый бот.
Берег белый, берег бренный
Средь безвременья плывёт.

Серпантин – в удел печали,
Край суровых мрачных зим.
Пусть к нему и не причалить,
Он мне стал почти родным.

За скалой ненаречённой,
В междуречье горьких вод
Человечек обречённый
Тонким голосом зовёт.

Только нет во мне той силы,
Что помочь смогла б ему
Выйти к свету из Сибири
Тяжких и бесплодных мук.

Обречённый, незабвенный,
Верь, что осветит восход
Берег белый, берег бренный
И надежд разбитый бот.

Сватовство панка

Я шагаю по дороге, гладко выбрит и румян.
Я бреду неторопливо, и я весел, но не пьян.
И в окно моей любимой солнце светит из-за туч.
Там, в окне – мой ангелочек, что желанен мне и люб.
И ментолом сладким манят поцелуи её губ.
Но вот незадача – мама заперла её на ключ!

Я копил весь месяц деньги и теперь наперевес
С ярко-алыми цветами, как мой пышный ирокез,
Я иду к моей любимой, чтоб руки её просить.
Ведь до блеска чистил «берцы», не жалел одеколон,
Чтоб при полном при параде к её маме на поклон
(В прошлый раз она велела больше мне не приходить).

Поднимаюсь по ступенькам, осаждаю домофон,
А в ответ я слышу голос злой мамаши: «Пошёл вон!»
Здесь любой раскис бы сразу, только я-то не таков!

Потому во все квартиры понеслись звонки мои,
И на счастье из соседей кто-то дверь мне отворил.
Я – наверх, но дверь любимой заперта на семь замков.

Подожду, пока стемнеет, у разбитых фонарей.
Изловчусь я и залезу на балкон любви моей,
И потом мы целоваться будем тихо и без слов.
Верю, будет свадьба, будем в ресторане зависать,
И оттает моя тёща да и пуститься плясать...
Ну а нет – пусть хоронится от меня за семь замков!

Я не люблю...

(Подражание В. Высоцкому)

Я не люблю пустые обещанья,
Печать нескрытой фальши на устах.
Я не люблю неловкие молчанья
При разговоре, в песнях и стихах.

Я не люблю поспешные сужденья.
И тот моих симпатий б не привлёк,
Кто принялся считать бы мои деньги,
Пытаясь заглянуть мне в кошелёк.

Не верю тем, кто верещит без смысла
И превращает мелкий спор в базар.
И не терплю я пьяного бесстыдства,
Тем паче – пьяной похоти в глазах.

Кому-то в жизни стать ориентиром
Я не стремлюсь – и говорю в лицо.
Я не люблю творить себе кумира,
Вот только жаль, что умер Витя Цой.

Ошиблись те, кто, видя мои крылья,
Назвать спешили ангелом меня –
Черны те крылья от дорожной пыли,
И перья их – что перья воронья.

Я в людях не люблю жесткосердечность,
Порядочностью кто не дорожит,
Твердя: «Не мне вас проверять на честность,
Не вам меня и уличать во лжи!»

Противны, кто пугают концом света
Уставший от невзгод и боли люд.
И даже если мир погибнет, это
Я точно ни за что не полюблю!

Эпитафия

От слов – лишь звук, от букв – пунктир
В конце нам оставляет время,
А этот вековечный мир
Живёт для нас одно мгновенье.

* * *

Как был же я тогда совсем несчастлив!
Весь мир казался мне несправедлив!
То разорваться был готов на части,
То был я неотзывчив и тосклив.

Как пристально я вглядывался в лица,
Не признавая явных перемен.
И как хотелось мне порой забыться
И замереть навек, как манекен...

Теперь люблю с улыбкой ироничной
Повспоминать под трели соловья,
Как отвергал я этот мир двуличный,
И как же был тогда несчастлив я...

В комнате с видом на стену

Передо мною – часть глухой стены,
Что высится за рамою оконной.
И в комнате так много тишины,
Да только неуютной и бетонной.

А если бы за окнами шоссе
Шумело, и дрожало, и мерцало,
Любил бы я на подоконник сесть
И вниз глядеть... Но тишины б не стало!

Тогда б её придумал втихаря –
Без шороха единого, без звука...
И милая, помедлив чуть в дверях,
Вошла бы в тишину мою без стука.

Письмо с горы Монтсеррат

Испании земля не позабыла
Костры, сжигавшие еретиков.
Среди музейной пыли сохранила
Всю тяжесть кандалов их и оков.
Пронизаны не меньшею печалью
Преданья о блаженных и святых:
Преследовали, гнали и стращали –
А ведь какой заступник был у них!
Но высшая любовь с небес спустилась,
Не дав пропасть бесследно в пустоте.
Ответом на любовь была взаимность –
Сильнее, чем распятье на кресте.
Однако жил в уединенье строгом
Мудрец-отшельник. Более чем век
Прожил в горах, совсем забытый Богом,
Забывший Бога древний человек.
Друзья, желаю вам судьбу иную,
И возвещу с заоблачных высот:
Пусть вас, родные, Божий гнев минует,
Да и любовь Господня обойдёт!

Храни тебя Бог, Украина!

Под светом, сошедшимся клином,
В сгустившейся тьме за окном,
Храни тебя Бог, Украина,
На этом распутье крутом!

Храни от слепящего гнева,
От тёмных интриг лжедрузей,
От страхов и смут каждодневных,
От всех тупиковых идей.

Когда красно-чёрное дуло
Направлено в сердце страны,
Не слыша угроз и посулов,
Единство своё сохрани!

Забылся б скорей твоим людям
Раздора безумного чад.
Пусть мудрость с тобою пребудет
Прислушиваться и прощать.

Под светом, сошедшимся клином,
В сгустившейся тьме за окном,
Храни тебя Бог, Украина,
На каждом распутье крутом!

Киев, 2 марта 2014 г.

* * *

На Мартеницу* проезжал Болгарию
На зорьке с Плевена, борясь со сном.
И вился путь лозою виноградною,
И пахло хлебом свежим и вином.

Глаз солнца, пышной тучею прищуренный,
Следил за мной с весёлым огоньком.
И озеро застыло в дымке утренней,
Как будто чашка чая с молоком.

Поля, где наша общая история
Вершилась, проезжал я напрямик.
Меня встречали До́лна Метропо́лия,
Кои́ловцы, Гиге́н и Тръстени́к.

Стояла непогода – только я о ней
Забыл – добром, радушием согрет.
Танцуя на ветру меж веток яблоней,
Все «мартеницы» мне махали вслед.

Воспоминаний светлыми дорогами
Не раз вернусь я в плевенскую даль.
Пусть погостить был зван краями многими,
Но так, как здесь, меня никто не ждал!

* Мартеница – один из самых почитаемых и древних праздников в Болгарии; в этот день близким дарят специальный двухцветный красно-белый амулет, называемый «мартеница».

Воскресенские и болгарские писатели мартовским утром в городе Плевен.
Слева направо: Л. Дудин, М. Золотова, Г. Голова, О. Новикова, В. Атанасова,
М. Кабанова, Л. Чебышева, А. Лысенков, Ч. Луканов, С. Моллов. Фото С. Глебова.

На приёме по случаю Третьего марта у кмета г. Плевена Дмитра Стойкова.
Слева направо: А. Лысенков, О. Новикова, Л. Дудин, Г. Голова, М. Николов,
В. Атанасова, Д. Стойков, С. Моллов, О. Чебышева, М. Кабанова. Фото С. Глебова.

* * *

В привидений не верю и чужд суеверий,
Но пугаюсь, что впору хоть даже кричать:
Только полночь пробьёт, слышу – ходят за дверью,
Но не кличут меня, не спешат постучать.
Кто на стены бросает там мрачные тени?
Что же их привело обивать мой порог?
Это странники? Чьи-то гонцы с донесеньем?
Или вестники скорых лишений, тревог?
Но снуют молчаливо мятежные души
И качают над дверью погасший фонарь.
Я ж – молюсь неумело, как юный послушник.
Я в поту, как на звоннице в праздник звонарь.
Их пронзительный взгляд, на меня обращённый,
Я сквозь толстые стены могу ощутить.
И, как страшную кару познать обречённый,
Маюсь – дверь всё никак не могу отворить.
Не зовут, не стучат, что-то шепчут порою,
И тоскою, и жалостью полнится грудь.
Всё же свечку затеплю и двери открою,
Им я душу открою, что ищет свой путь.
Но исчезнут пришельцы, чуть скрипнут засовы,
Посчитав себя лишними в этом краю,
Не увидев свечи огонёк полусонный,
Но увидят горящую душу мою.

Неприветливое счастье моё

Солнца луч ко мне спустился по лестнице.
Золотится облаков окоём.
Я надеюсь, что сегодня мне встретится
Неприветливое счастье моё.

И как только поутру капли росные
Засверкают в травах, как светлячки,
Опускаясь на асфальт бликом розовым,
Застучат волнующе каблучки.

У дороги встану я очарованный,
Чтоб тебе признаться в чувстве своём.
Но пройдёт не посмотрев в мою сторону
Неприветливое счастье моё.

Не окликну, и весь день буду замкнутый.
И всю ночь в терзаньях, не гася свет.
Я уверен: обернулась внезапно ты
И задумчиво глядела мне вслед.

Помню, как всегда грозила мне пальчиком,
Если взгляд ловила мой. И, дразня,
Ослепила как-то солнечным зайчиком,
Своим зеркальцем послав мне в глаза.

Ну скажи, чего ты хочешь, прелестница,
Что мешает нам с тобой быть вдвоём?
С нетерпеньем снова жду, что мне встретится
Неприветливое счастье моё.

От винта!

1.

Пружинит кровать, как шасси при посадке,
Минуты пресны и сухи, как облатки,
И радио ловит одну тишину.
А сны кратковременны, словно осадки
За окнами, в этом постельном плену.
Часы на стене стали высотометром.
И стрелки, что крылья, согнутые ветром,
Вот-вот оторвутся, проткнув циферблат.
И лампочки глаз полным радужным спектром
Найдёт заточённый в шприце препарат.
Дождаться предписано этой заправки.
Чтоб выверить курс – двое суток (поправки
На облачность, ливни, туманы – не в счёт),
Есть час – скорректировать угол атаки
И целая вечность – на взлёт.

2.

Царапают голуби неторопливо
На улице утром поверхность отлива –
Наклонную плоскость обшивки крыла,
В мой «иллюминатор» глядят сиротливо,
Сметая пылинки с двойного стекла.
В такой тишине мне бы рёва турбины,
Вибрации, что перед взлётом в кабине,
Чтоб кто-то мне отдал приказ: «От винта!»

Лишь на потолке пауку в паутине
Доступна на данный момент высота.
А ночью сияние звёзд небосклона –
Огней ли посадочных аэродрома? –
Меня словно бы приземлиться зовёт.
Минута – моторы прогреть для разгона
И целая вечность – на взлёт.

3.

Сосед по палате – сам бывший диспетчер,
Мне сетует, что дозаправиться нечем,
Без топлива кто ж в небеса улетит?
И на паутину глядит каждый вечер
Он как на радара экран – и грустит.
Но каждый день смотрят на нас с интересом
В халатах под цвет облаков стюардессы
И со стетоскопом – наш бортинженер,
Который велит мне бороться со стрессом,
Соседа-диспетчера ставя в пример.
Взлечу! И пускай подо мной Земля крутит
Ангары бескрылых метущихся судеб,
Где каждый себе – пассажир и пилот.
Настанет мгновенье сказать: «Будь что будет!»
И целая вечность – на взлёт.

Послание недругу

Ты морщишься, как от настойки пустырника,
Ко мне обращаешься, как к собутыльнику,
И кто научил тебя шикать и рявкать?
В тебе видел раньше прожжённого циника,
А нынче – недобросердечную тряпку.

Ты брыли сомкнёшь, моментально надуешься,
Причмокиваешь, будто с кем-то целуешься,
И сдвинуты брови всегда – как приклеены.
Всё ждал я, когда наконец образумишься,
Но прахом надежды по ветру развеяны.

Баллада о русском роке

Мне приснилось, что не в шутку занемог,
Что никто из докторов помочь не мог:
На жаре однажды до костей продрог,
На морозе – с головы до пяток взмок.
Я – к гадалке. Та сказала «Это – рок! Рок! Рок!
Кем -то проклят ты, наверное, милок!»

И побрёл я, под собой не чуя ног,
По пути среди извилистых дорог.
Встретил парня, что был также одинок.
На своей гитаре он играл как бог.

Я спросил: «Что ты играешь?» –
«Русский рок, рок, рок!» –
Он ответил и пошли мы на восток.

Мы явились в захолустный городок,
Там в «общаге» сняли скромный уголок.
И один из местных – в музыке знаток –
К нам зашёл и бас-гитару приволок.
Мы пустили клич: «Кто любит русский рок, рок, рок,
Пусть приходит к нам на тихий вечерок!»

И попутчик мне сказал: «Давай, браток,
За ударные присядь-ка на часок!»
На концерт наш хлынул жителей поток,
И басист в момент всю публику «зажёг»
Криком: «Тех, кто ненавидит русский рок, рок, рок,
Не пускайте к нам сегодня на порог!»

И стучал я, как отбойный молоток, –
Барабан ни на мгновенье не умолк.
Если спросят: «Ну какой же в роке прок?»
Я скажу: «Он мне поправиться помог,
Ну а тот же, кто хоронит русский рок, рок, рок –
Тот мне вовсе не мессия, не пророк!»

* * *

Твоя любовь разлуки не приемлет
И чужды ей уступка, компромисс.
Твоя любовь в тебе до срока дремлет,
Явиться чтоб – откуда ни возьмись:
Преград, границ, барьеров – перед ней нет;
Могучими крылами взмоет ввысь.

Твоя любовь следит за каждой фразой
И различает фальшь отдельных слов.
И даже я могу понять не сразу:
Где – твоя ревность, где – твоя любовь.
Она меня притягивает, дразнит,
Томит, переполняет до краёв.

Она подобна музыкальной гамме
И выучена мною наизусть.
Твоя любовь – совсем не для рекламы
И не для сцен и прочих показух.
Твоя любовь – мне дар желанный самый,
О чём тебе не раз признаюсь вслух...

Увлечённый художник

Замерев под фламенко и стук кастаньет,
В светлой студии был часа три я:
Увлечённый художник творил мой портрет,
Наполняя всё действо интригой.
И казалось, когда нас, как нитью, связал
Тех минут бег неспешно-воздушный,
Что художник глядит сквозь мольберт мне в глаза,
Созерцая притом мою душу.
Да, он вовсе не прост. И мне кто-то сказал:
«Был в Крыму с ним и на Кара-даге:
Мир пещер набросал он, глаза завязав,
Мир подводный – ваял в аквалангe.
Не поверишь: в жару как-то снег рисовал –
Иней с рук без конца осыпался,
А когда на холсте он огонь создавал,
То внезапно обжог себе пальцы!»
...Был закончен портрет. «Как же точно ты смог
Сотворить меня! – молвил я. – Мастер!»
Отмахнулся художник: «Творил тебя – Бог.
Я же – только слегка приукрасил...»

Полный штиль

Господа, мы прошли в шторме тысячи миль,
Нас щадила морская пучина.
Почему нам так плохо сейчас, в полный штиль?
Или в этом затишье причина?
Господа, посмотрите, как боцман-то взмок -
Он в порту провиант разбазарил.
Жаль, что наш капитан до сих пор не просох
И старпом потихонечку запил.
Господа, а у нас прохудился вельбот,
Не хватает спасательных шлюпок,
Как случилось, что нынче у нас из забот -
С кем бы выпить вина полный кубок?
Что же каждый из нас произвол допустил?
От него столько горя хлебнули!
Полный штиль, господа!
Над страной - полный штиль,
Стало быть, нам - готовиться к буре...

Пламегаситель

Я не верю в приметы и магию чисел,
Обереги мне и амулеты не впрок,
Если слышу: даётся команда на выстрел,
Если чувствую: кто-то спускает курок.

Моя сущность - кусок закалённого сплава.
В своей ненависти ты меня накрути,

И противник любой - сильный или же слабый -
Он погибнет, раз встал у меня на пути!

Для кого-то я - демон, кому-то - спаситель.
Мне нет дела до званий, чинов и имён,
Ибо не человек я, а пламегаситель.
До поры незаметно, как я раскалён.

Я могу различить каждый грамм, каждый градус
Пролетающей пули сквозь тело моё.
Я не чувствовал в жизни ни горе, ни радость.
Жалость и сострадание - не мой конёк.

Этот мир разделён на стрелков и добычу.
Кто сильнее - тот прав. Кто сильней - победит.
Всем, кто борется и справедливости ищет,
Погашу навек пламя свободы в груди!

Я всё вынесу кроме тупой людской злобы
И азарта убийства, чем дышит злодей.
Презираю я смерть, что таится в утробе
Не бездушных орудий - бездушных людей.

Кто же хаос чинит? Кто порядка блюститель? -
Нынче не различить. Иль они заодно?
Неужели на свете лишь пламегаситель
Тот, которому это понять суждено?

Чревовещатель
(сонет)

С каждым днём всё сильнее во мне подозренье:
Кто-то явно присвоил себе голос мой,
Мои губы умело приводит в движенье
Некто вечно незримый, таясь за спиной.

И слова произносит, нарочно картавя,
Моим мыслям подчас даже наперекор,
Льстя врагам, интриганов хваля, трусов славя,
А с друзьями – едва ль заведёт разговор.

Но тогда я уста свои крепко сжимаю
И прикусываю непослушный язык.
И, в итоге, слетает верига немая,
Что не высказал – всё говорю напрямик.
Но не дремлет моих тёмных страхов исчадье –
Впредь глаголет устами мой чревовещатель.

«Моё стихотворение –

это поиск собеседника...»

Из интервью Анне Зиминой, корреспонденту газеты «Деловые вести». Опубликовано в №7(414) от 1 марта 2013 года

– Давайте сразу разграничим: Вы пишите поэзию или прозу? Считаете себя поэтом или писателем вообще? И как Вы считаете, есть ли разница между двумя этими понятиями, исключая как различие форму произведений?

На данный момент я считаю, что нашёл себя в поэзии. В детстве пробовал себя в рассказе и даже в романе, но большинство этих «опытов» осталось на страницах тетрадок-черновиков. Тем не менее, в последнее время снова начал познавать непростую науку прозы. И что-то вроде получается – недавно опубликованы два рассказа. Считаю ли себя поэтом? Да, считаю. Для меня это скорее как хобби. Кто-то собирает марки, кто-то монеты, а я собираю слова в образы и истории, которые излагаю стихами. Кто-то плетёт из бисера, кто-то рисует картины, делая это – в первую очередь для себя – старательно, терпеливо и «с душой» – так же и я стараюсь работать над каждым творением. Считаю ли себя писателем? Конечно, ведь поэт – по сути писатель, работающий в жанре поэзии. Хотя во многих словарях под понятием «писатель» – понимается человек, зарабатывающий на жизнь написанием произведений. В моём случае скорее наоборот – приходится копить на издание собственной книги. Но на данный момент с тем же сталкивается и большинство современных поэтов. Впрочем, я

нахожу в этом и положительные черты – книга от этого становиться гораздо ценнее в глазах автора и его почитателей, да и содержание книги только выигрывает – ведь не захочешь же тратиться на блёклую и неинтересную безвкусицу.

– Соответственно Вашему ответу на первый вопрос: почему Вы выбрали именно этот способ изложения своих чувств и мыслей?

Выбор сделал скорее подсознательно. Наверное, хотелось как-то выделиться: не всякий может ёмко и необычно изложить пришедшую внезапно интересную мысль, свои тревоги, сомнения или просто неожиданное открытие. Это ещё один способ общения, когда что-то хочешь сообщить, но не можешь высказать вслух, даже шёпотом. И тем сильнее счастье, когда найдёшь своего читателя, который станет и благодарным слушателем и отзывчивым собеседником. Собственно каждое моё стихотворение – это поиск собеседника.

– С какого возраста Вы начали писать? Помните ли Вы свое первое произведение? Что послужило источником вдохновения и при каких обстоятельствах вообще оно создавалось?

Первое стихотворение написалось в детском саду. Тогда готовились к скорому утреннику и мне поручили выучить стихи, но какие – не помню. А я взял и заявил: чужие стихи не буду читать – только свои. Воспитательница удивилась, попросила прочесть меня своё сочинение и сама записала моё первое тво-

рение. Так что моё первое произведение было записано не моей рукой. А впервые опубликовали моё стихотворение – в районной газете, когда мне было 11 лет.

– У Вас был опыт публичных выступлений? Что Вы чувствовали, когда впервые раскрыли перед людьми свое творчество? Как Вы считаете, люди, создающие литературные произведения, должны представлять их на публику? Или наилучший вариант просто написать, опубликовать и позволить читателям домысливать его характер, настроение и другие детали?

По мере возможности, я всегда соглашаюсь на публичные выступления, потому что именно в этом случае я могу наиболее полно донести до слушателя тот смысл стихотворения, который изначально закладывал. Голосом можно выделить ключевой образ или мысль, дать почувствовать внутренний нерв стихотворения. Мысленно возвращаешься к тому моменту, казалось бы, давно забытому, когда рождались первые строки и иногда во время выступления даже возникает чувство дежавю. Представлять свои творения публике – в первую очередь выбор самого поэта. Даже с очень близкими и родными, бывает, не хочется делиться сокровенным, а тут приходиться открывать свою душу перед незнакомыми людьми. Меня к публичным выступлениям подталкивает уверенность в том, что те или иные заключённые в стихи мысли и чувства однажды напрямую или подсознательно приходили к каждому моему слушателю. Ведь мы в первую очередь люди, а уже потом – поэты, прозаики, врачи, инженеры…

– Были ли у Вас случаи, когда люди (читатели) понимали Вас неправильно и просили объяснить, что Вы имели в виду? Тяжело ли Вам вообще объяснять смысл своих произведений и видите ли Вы в этом необходимость?

Да, случалось, что слушатели находили в моих стихах иной смысл, и такие открытия не вызывали во мне каких-либо неприятных чувств, ведь наличие в стихах необычных образов, нестандартного построения фраз придаёт любому произведению черты вариативности. Случалось, что и просили объяснить, что же я хотел донести той или иной строкой. И тогда задумывался, а правильно ли я сформулировал ту или иную мысль, не слишком ли слабый образ подобрал. Вообще многие мои коллеги по перу уверены, что объяснять смысл стихов – это неправильно. И я с ними в какой-то степени согласен. Я могу объяснить смысл своих стихов, но это уже будет не поэзия.

– Вы посвящали свои произведения конкретным людям? Кому, по какому поводу?

Я посвящал и посвящаю стихи своим родным и близким друзьям. Делаю это редко и без повода. Не знаю почему, но для меня очень сложно сочинить, например, поздравление на день рождения. Возможно, потому что хочется создать нечто большее чем «поздравляю-желаю», возможно, просто боишься разочаровать близкого человека, который, быть может, ожидает бесспорный шедевр, а получается лишь нечто немногим лучшее пресловутых «поздравляю-желаю».

– Каков портрет современного писателя? Вообще, как Вы считаете, писатель – это профессия? И если да, то в чем ее основное отличие от профессии электрик, инженер, менеджер и т. д.?

Современный писатель – активный, успешный человек, уже состоявшийся в какой-либо профессии. Сегодня ещё есть неординарные личности, живущие за счёт нелёгкого писательского труда, так что писатель – это, безусловно, профессия. Чем она отличается от профессии электрика, инженера или менеджера? Наверное, отсутствием строгой униформы и дресс-кода.

– Назовите своих любимых авторов? Как они повлияли на Ваш характер и Ваше творчество?

У меня много любимых писателей: из отечественных – Лермонтов, Бальмонт, Брюсов, Блок, из зарубежных – конечно же, Бодлер, Байрон, Эдгар По. Также с удовольствием читаю произведения наших земляков – Константина Ваншенкина и Инны Гофф, Леонида Дудина, Ольги Новиковой и Марины Кабановой. Творения этих писателей заряжают меня любовью к жизни, к своей земле, силой на преодоление всяческих препятствий и просто житейской мудростью.

И капли слов, и брызги рифм, и струи жизни
В клепсидре утекающих веков.
Пускай неведомо, мой час - далёк иль близок,
Но жизнь так скоротечна без стихов...

МГНОВЕНИЯ ЛЮБВИ И СЛЁЗ

Цикл «Ангелы Любви, Призраки Обмана»

1. Я хочу это всё – и ничего больше

Кто лишится ума, кто – ума наберёт.
Кто-то думает прежде, а кто – сразу бьёт.
Кто-то в Дьявола верит, а кто-то – в Мессию.
Кто-то верит в победу сборной России.
А я – мира хочу, богатства и «Порше» –
Я хочу это всё – и ничего больше!

Только в мире есть то, что не станет моим...
Это ты, и тебя вечно тянет к другим.
Ты легка и проста, словно ангел небес.
Ты сбиваешь с людей отчуждённость и спесь.
Жажду взглядов твоих, быть с тобою подольше –
Я хочу это всё – и ничего больше!

Ну а парень твой крут – его знаю давно.
Он не водит тебя ни в театр, ни в кино,
Он таскает тебя на нацистский парад. –

Но так ангелы любят экскурсии в ад.
Я ж – хочу с тобой гнать по России на «Порше» –
Я хочу это всё – и ничего больше!

Есть у каждого крест, но у каждого свой:
Его – чёрный и гнутый, мой – светлый, прямой.
И мы носим его у себя на груди.
Но всегда будет так, и суди – не суди.
Лишь дороги б нашлись для прогулок на «Порше» –
Я хочу это всё – и ничего больше!

Сколько мыслей пустых и совсем не о том,
Когда я прихожу в свой пустующий дом,
Где не будет звенеть нежный твой голосок,
Где дарёный букет почернел и засох...
И забыть бы тебя, и продать бы свой «Порше» –
Я хочу это. Всё! И ничего больше...

2. Призрак Бывшей Любви

На аллее без имени, ночью прохладной
Я в тиши убаюкивал думы свои.
Под раскидистым тополем в трели цикадной
Повстречался я с Призраком Бывшей Любви.

Призрак – в образе девушки голой и хрупкой,
Что блуждала без цели, другим – не видна.
Грелась в сломанных крыльях своих, как голубка.
Ей уже не взлететь. В своём горе – одна.

Этой ночью я жил лишь жестоким решеньем
Позабыть о прошедшей любви навсегда.
Но она-то была той любви *воплощеньем*.
И проститься со мною явилась сюда.

Ей остывший асфальт ледяным поцелуем
Покрывал исступлённо босые ступни.
И под сливочным светом небес полнолунных
Было видно, как стёрлись до крови они.

И пронзило мне сердце – как солнце седое,
Что не грело меня столько сгинувших лет,
Так обжечь смело тело её молодое?
Как же выцвел на солнце очей карий цвет?

Но тогда, появившись во время любви той,
Что ответа на чувства найти не смогла,
Разделила всю боль с моим сердцем разбитым
И от мыслей жестоких меня берегла.

И безмолвно, и с грустью в лице созерцала
Без укора во взгляде бедняжка меня.
Я промолвил: «Слепец! И слепым был с начала
До конца – был обязан тебя охранять

От надежд, что пленяли забытые чувства
И, насытившись ими, бросали меня,
От тоски, что вгоняла меня в безрассудство
И от боли, сжигавшей быстрее огня».

Но она отвечала: «Прошу я, не мучай,
Не терзай ты себя, вспоминая о том,
Ведь был сделанный выбор тобой – наилучшим,
Стал он правильным в дне для тебя непростом

С расставанием, ссорой, крушеньем иллюзий...
Ты попробуй из памяти это стереть.
Ты свободен теперь от тяжёлого груза.
Я – оставлю тебя...
Я должна умереть...»

Рядом ночь просыпалась в предчувствие бури,
Сумрак быстро сгущался в лиловый эфир.
Её – Призрака Бывшей Любви – свет лазурный
Осенял, чтоб навек унести в лучший мир.

Но я бросился к ней, обхватил её плечи.
Крепко к сердцу прижал, разрывавшему грудь.
Я молил: «Не покинь же меня в эту встречу!» –
«Не могу...»
– «Я верну ту любовь!»
– «Не вернуть...

Ты на сердце взвалил непосильную ношу:
Слышишь – как, задыхаясь, стучит невпопад?
Нет, я зла не держу. Отпусти, мой хороший,
Отпусти...»
И внезапного грома раскат

Растревожил небес вешний сон, вызвал бурю.
Я стоял под дождём, повторяя: «Прости!»
А в руках утопал Призрак в свете лазурном
И шептал:
«Отпусти...
Отпусти...»
...Отпустил.

3. Однажды Ангел...

Однажды Ангел, пролежав без сна,
Ночной порой покинул небеса,
На первый луч у солнца крылья выменял.
Лучом он иероглиф написал,
Что станет первой буквой в твоём имени.

Когда же он, присев на пики гор,
От боли, холодов погасший взор
К земле послал, доселе неизведанной,
То облаков округлость и узор
Запечатлел он в теле твоём преданно.

Но тотчас мышцы налились свинцом,
Почувствовал он страх перед концом,
Но не подумал о своём спасении.
Он долго создавал твоё лицо –
Черты украсил свежестью весеннею.

Но мир жесток был к твоему творцу,
И смерть, как наказанье беглецу,
Принёс бедняжке с ледяными ветрами.
Простил всех Ангел – твоему лицу
Обида, злость ли – до сих пор не ведомы.

Но, прежде чем погибнуть в пустоте,
Он завещал не забывать о тех,
Кто был с тобой во времена отчаянья.
Мечтал он о душевной красоте –
Теперь же это и твои мечтания...

И я тебя однажды повстречал.
И страсть к тебе с тех пор столь горяча,
Что в небеса смотрю с благодарением...
И мне досталась Ангела мечта
Любить тебя с бескрайним упоением.

4. Два неба

В любовной кутерьме, когда нам было не до
Расчётливых шагов и взвешенных речей,
Ты подарила мне сияющее небо –
Лазоревый покой пленительных очей.

Под ним я ощущал рассеянную слабость,
И от его широт захватывало дух,
И солнце твоих губ мне жарко улыбалось,
И шёпотом твоим ласкал мне ветер слух.

В кристальном озерце, в студёной бочажине
Я черпал этот взгляд, сгорая, словно в зной.
Но по одной тебе лишь ведомой причине
Лазурь твоих небес исчезла надо мной...

На месте облаков полоски белокурой
Возникли хмурых туч тугие колтуны,
Даривший ласки бриз вдруг обернулся бурей,
И пеной ледяной хлестнули буруны.

Меня сбивал порыв – внезапен и заборист
И в топях грязевых терялся каждый шаг,
Но познавал притом невиданную бодрость
И полной грудью мог, как прежде, я дышать.

Когда ж грозу смело невидимой ладонью
И чистый небосклон затишьем окружил,
Я призраки зарниц искал на нём, я понял,
Покой стал для меня обманчивым, чужим.

Двум разным небесам я предан был безмерно –
Одних очей, что мне дарили одному
Лазурный взгляд, уже которому не верю
И бури тёмный взор, который не пойму.

5. В День рождения

Марии

Однажды, днём осенним средь ветров,
И листопадов, и нежданных ливней,
Родился замечательный цветок,
Что ангелами назван был Марией.

А позже, на пути своём меж строк,
Оставленных Всемирной Паутине,
Нашёл тебя – застенчивый цветок,
И ты была прекрасной и невинной.

И пусть нас вместе не свела судьба,
Пусть носит город твой иное имя,
И пусть по фото лишь я знал тебя,
И пусть сегодня ты другим любима,

Тебе желаю меньше холодов,
Побольше солнца, и тепла, и ласки,
Подружек верных и красивых слов,
Мгновений добрых, милых, как из сказки,

Поменьше лет порывистых ветров,
Побольше чистоты нежданных ливней,
Чтоб расцветал тот сказочный цветок,
Что называл я Солнцем и Марией!

6. Об ангелах

Ты шлёшь мне опять свой безжизненный снимок,
Чаруешь меня своим ласковым словом...
Ты ангел? – Ну что же, лети себе мимо.
Не ангел? – Найди себе крылья ранимые.
Не та, не другая? – Поведай мне, милая,
Об ангелах тех, что бросают нас снова...

Он её не любил

Он её не любил, но не мог ей сказать.
А она не влюблялась ещё никогда.
Только свадьбу сыграли – дала себя знать
В сердце ненависть крохою твёрдого льда.
И кошмар наступил – очерствел он совсем,
Пил, и бил он жену, изменял ей не раз.
А она всё терпела под градом проблем,
Если бьёт – значит, любит. Но – слёзы из глаз...
И всё больше её донимала мигрень,
А здоровье в проблемах ушло без следа.
Минул год – превратилась она просто в тень,
А в груди поселился осколочек льда.
Появился в квартире и третий жилец –
Беспокойный малыш, ясноглазый крикун.
Ей подумалось, пьянкам настанет конец,
Но в конец спился муж – она впала в тоску.
А их сын вырастал под попойки и брань,
Он взрослел, его детство ушло навсегда.

Жизнь чужая, своя, – для него она дрянь,
А под сердцем созрел кубик тёмного льда.
С малолетства он пил, сигаретой дымил.
Он – сын улиц, герой среди местной шпаны.
Ненавидел он бедность, в которой прожил,
Свою стёртую куртку, в заплатах штаны.
Он не ведал любви, но с девчонкой гулял.
Не любви, а другого хотел. И тогда
С нею сблизился под темнотой одеял.
Ну а после - ей сердце разбил глыбой льда,
Что жестоко отверг. К боли девичьей глух,
Сострадание смог заморозить в себе.
Как влеченья огонь очень быстро затух,
Безоглядно отдался разгульной судьбе.
Может, время пройдёт и себя он поймёт,
Осознает, что путь сей ведёт в никуда...
И, оставив девчонку в слезах, он уйдёт,
А в пути сдавит грудь ему айсбергом льда:
Он её не любил...

Ночь в опере

К 15-летию со дня смерти
музыканта Фредди Меркьюри,
солиста группы «Queen»

В концертном зале – я, объятый мраком.
Софиты гаснут, свет луны на сцене.
Выходит человек. Он – в белом фраке,
В ботинках чёрных – мастер светотени.

Вокруг безлюдно, нет аплодисментов.
Ночь в опере и тишины сюита.
И я застыл, захваченный моментом,
Один остался пению открытым.

А человек во фраке «а капелла»
Поёт с грустинкой и чарует этим.
А кожа в лунном свете – цвета мела,
Глаза горят живым огнём бессмертья.

Любовь всей жизни, столь короткой жизни,
Его поймёт – и это выше славы.
На горькой тризне – столь далёкой тризне,
Не выявляли ни лжецов, ни правых...

Как он поёт: дрожат в высокой ноте
Под тёмном потолком софиты в гнёздах.
Как может оборваться жизнь на взлёте?
Как может песня жить, даря нам слёзы?

Концерт окончен. Каждый миг бесценен.
Аккорд тиши так долог и печален.
Исчез певец, и опустела сцена,
И пусть в душе не расточатся чары...

Горная речка

Горная речка, холодная речка,
Пойдёшь – что ни шаг – водопад.
Здесь время стремительно и быстротечно,
Не знает конца и преград.
Горная речка – течёт мне навстречу,
Баюкая солнечный свет.
И кажется вечным поток бесконечный,
Но время оставит свой след.

Горная речка, в твоей, слышу, речи
Усталость, но ты не грусти.
Всегда и повсюду природа извечно
Должна людям радость нести.
Горная речка, – в движенье беспечном
Шумишь ты средь гладких камней.
Под солнцем палящим, сиянием млечным
Твой шум – колыбельная мне.

Горная речка, но час уж намечен –
Покинуть мне надо тебя.
Ах, как хорошо нас свела в этот вечер
Средь будней ненастных судьба.
Но, горная речка, я помню ту встречу.
Такой расслабляющий шум,
Который меня в этой жизни излечит
От тяжких и будничных дум.

Давайте будем петь свои слова

Давайте делать паузы в словах...
Андрей Макаревич

Давайте будем петь свои слова –
Нас пение зовёт раскрепощаться.
И будет наша речь всегда жива,
Мы перестанем мямлить, заикаться.
Давайте будем петь свои слова!

А песней так легко очаровать.
От слов сухих в душе бывает пусто.
Обыденности сбросим покрова –
И чтоб за каждым словом жило чувство,
Давайте будем петь свои слова.

И связки пусть, что лука тетива,
Когда под ночь бредёшь домой с работы.
Но с другом в разговор – как дважды два,
Легко вступаешь, плавно, как по нотам,
Ты будто бы поёшь свои слова.

Давайте будем петь свои слова –
Слова навстречу пониманью льются.
Ведь песня – как частица волшебства.
И нам друзья тихонько улыбнутся...
Давайте будем петь свои слова!

Уходя

Уходя, не забудь за собой закрыть дверь,
Только дверью не хлопай – она не причём.
Ты вини лишь себя, что ушёл без потерь,
Не подставив друзьям в час лишений плечо.

Уходя, погаси за собою ты свет,
Чтоб не видеть глаза тех, кому отказал.
За спиною, представь, никого больше нет,
И во тьме не блеснёт на прощанье слеза.

Уходя – уходи, объясненья оставь,
Ты и так рассказал много больше, чем мог.
И не стоит гадать, кто же всё-таки прав...
И про дружбу забудь, выходя за порог...

Время слёз

Мы считаем, что плача горячая влага –
Неприкрытая слабость, наивный обман.
Но, постойте! Когда-то и Бог даже плакал,
И он выплакал нам не один океан.

Даже древние люди в пирах и сраженьях,
Слёз горячечных ни от кого не тая,
Принимали потери и боль пораженья.
И от слёз их в наследство остались моря.

Жизнь солдат коротка – только враг один вечен.
Свою смерть никогда не узрит человек.
Сколько верных мужей полегло. – Слёзы женщин
Сквозь века влились в русла петляющих рек.

Нынче истово прочь гоним слёз наших время.
И суха соль озёр, что создать мы смогли.
И наш взгляд, этой сдержанности не приемля,
Безнадёжно застыл, как корабль на мели.

Письма в Англию

1.

Энн, привет! Как ты живёшь
В том английском замке?
Не скучаешь ли ещё
По России-мамке?
Не скучаешь ли по мне
Или по подружкам?
По родимой стороне
И лесным опушкам?
Пусть заменят игры в мяч
Карточные игры,
Ты себя, любовь, не прячь –
Будешь в высшей лиге!
А потом расскажешь мне,
Своему Андрюшке,

Об английской стороне,
Тамошних подружках.

2.

Здравствуй, Энн! Андрюша твой
Шлёт письмо как прежде.
Жду ответа, цветик мой,
От тебя с надеждой.
Слышал, там играешь в гольф,
Водишь ты машину…
Напиши, моя любовь,
Хоть клочок пришли мне!
Я скучаю по тебе,
В остальном – всё в норме.
И твой взгляд – синей небес –
Я как прежде помню.
Как там ночи со свечой,
В том английском замке?
Не скучаешь ли ещё
По России-мамке?

3.

Энн, хелло! И снова я!
Что ж меня забыла?
Неужель любовь твоя
Вдруг ко мне остыла?
Мой почтовый ящик пуст,
А в душе – усталость.

Слышал я из разных уст –
Хороша ты стала.
От поклонников твоих
Поломались двери
И что очень много их
У тебя теперя.
Так что еду я к тебе –
Ждать не стало мочи:
Вновь хочу твой взгляд небес
Я увидеть очень.

Игрушечный песок

Я друга-гитариста знал – души друг широченной.
Играл он на гитаре любимый мной вальсок.
Пока не появилось то, что он так вдохновенно
Назвал мне, как «игрушечный песок».

Сперва никто не знал: был друг и мил, и весел.
А догадался я и овладел мной шок.
«Да брось ты кокаин!» – молил. Он мне: «Мир пресен,
Когда бы не «игрушечный песок»!»

Друг потерял покой и ум, обычно ясный.
По дням и по часам он нервничал и сох.
Твердил одно: теперь вся жизнь его напрасна,
Раз кончился «игрушечный песок».

От помощи отказывался, продал всё из дома,
Не мог понять, что жизнь-то была на волоске.
Он клялся, что «летает к небу голубому»
И утопал в «игрушечном песке».

Переменился друг, встречал со взором хмурым
Всех тех, кто сохранить с ним отношенья смог.
Ну а когда навек остаться в «небе» утлом
Ему дал знать «игрушечный песок».

О, сколько друга нет! Гитара одинока
И больше не сыграет на ней никто вальсок.
Наркотик кокаин – любовь к нему жестока,
Зыбуч и страшен этот «игрушечный песок»!

Недышащий ворон

Я - недышащий ворон... Распят на заборе,
Знаю, больше не каркну ни с веток, ни с крыш.
Не привык вызывать страх и ужас во взоре -
Я привык слышать в адрес свой грозное «Кыш!»

Я не верю, что люди безжалостны к птицам -
Вон за сердце схватился прохожий старик.
И смущает окрест помрачневшие лица
Из раскрытого клюва мой синий язык.

Мой Эдем

Ветер мчит надо мной на руинах Эдема,
Выпивает отчаянье слёз.
Я жестоко ошибся. Бесстрастное время
Иссушает родник моих грёз.

Мой Эдем был разрушен и тьмою, и светом –
Сгорбив плечи, сижу, как изгой:
Я не верю себе, я не верю приметам
И рублю крепкий сук под собой.

Есть ли кто-нибудь здесь, кто поймёт это время,
Не спеша просто мимо пройти?
Есть ли кто-нибудь здесь, кто не ищет Эдема,
А кто ищет лишь друга в пути?

Я не помню теперь – то ли с тьмой, то ль со светом –
Покидал умиравший Эдем.
Только есть ли я сам или я лишь примета –
На секунду? На день? Насовсем?

Есть ли кто-нибудь там, кто в ответе за время,
Кто тиранит двух слуг – жизнь и смерть?
Есть ли кто-нибудь там, кто властитель Эдема,
От меня что он может хотеть?

Позабыт жалкой тьмой и потерян я светом,
Голос мой – для ушей глухих стен.
Всё ищу я себя, но не верю приметам,
Помня, как умирал мой Эдем.

ТЕАТР НОЧИ

Вампирша

Я стал ненавидеть ненастные ночи,
Когда, в ожидании чувственных строк
Склонившись над девственно-белым листочком,
Я слышу, как переступаешь порог.

Проходишь, садишься, вздыхаешь устало.
Чертовски красива, но так холодна.
И сразу накроешь меня покрывалом
Проблем своих, жалоб, что жизнь «так трудна».

Ты ждёшь утешенья, и мне лишь осталось
Понять и унять твою грусть и тоску.
Ты ешь мои силы, ты пьёшь мою жалость,
Застыв, словно хищник, готовый к прыжку.

И, словно вампир, оживаешь, глотая
Тепло моих слов, ты купаешься в нём.
Я – взглядом стреножен твоих, цвета стали,
Глаз, ярко сгорающих алчным огнём.

Ты днём высший свет покоряешь, блистая.
А вечером – в клубах – аренах лучей,
Где кружится в танцах вампирская стая
С пронзительно жадным сверканьем очей.

Стремишься понравиться всей этой клике,
Боясь, что когда-нибудь пустят в расход,
Как сдувшийся шарик среди вечеринки,
Как свечку, венчавшую праздничный торт.

Без ласки, любви грусть ложится на плечи,
А ночь в одиночестве – не для тебя.
Спасенье твоё – эта поздняя встреча
Со мной – твою боль приму, сердце скрепя.

Но в душу не всаживай твёрдые когти!
И вынь мне из горла ты жала клыков!
Оставь мои мысли, и кровь мне не порти!
Покинь навсегда полусонный мой кров!

Погибли те чувства, что страстно желали
Однажды тебе целый мир подарить.
Но видел я только глаза, цвета стали,
А в них – лишь желание кровь мою пить.

Теперь же – я взглядом сверлю тебя, молча.
А чувства – сплотились в слова этих строк.
И больше в ненастные долгие ночи
Ты не переступишь скрипучий порог.

Облачко

Придёт весна – для нас цветок любви распустит,
В нём каждый лепесточек – огнистый и живой.
Ты – облачко моё прекрасной тайной грусти,
Твой взгляд меня так манит чуть влажной синевой.

А в тишине двора весенние оттенки
Раскрашивают чувства, лишь взглянешь ты в окно.
Вкус нежных губ твоих – пленяющий и терпкий –
В моих губах играет он молодым вином.

Румянец твоих щёк я созерцаю немо,
Как будто свет заката на выпавшем снегу.
Тебя лелею, облачко, мне посланное небом,
От тяжкого ненастья тебя я берегу.

Луна-примадонна

Я жить не могу без фантазий своих,
Мне тесно и скучно в обыденном мире.
В холодную ночь я пишу этот стих –
Бегу, как могу от молчанья квартиры.

И в ночи театр за морозным окном
Наняться хочу хоть на день бутафором –
Покуда мой дом дышит тьмою и сном,
Участье принять в представлении скором:

Поднять лёгкий занавес зимних небес,
Смотреть, как, светясь чистотою бездонной,
И снова, и снова, как будто на бис,
На сцену выходит луна-примадонна.

Букет живых звёзд – небосвода цветов –
Ей преподнесу вместе с жарким приветом,
На что подмигнёт – не заметит никто –
Луна, верный спутник Земли и поэта.

Губ овальный след

1.

Из пёстрой толпы фотокамеры,
Глаза рвали яркими вспышками.
И, пряча пластинки под мышками,
Звезду ожидая, все замерли.
И выплыл объект воздыхания
Легчайшею лунной походкой,
С фломастером наизготовку
Спеша одарить всех вниманием.

Уже на пластинки ложатся
Причудливой вязью каракули.
Фанаты кричали и плакали
От счастья, не в силах сдержаться.
Фломастер стащил кто-то радостный,
А юноша жаждет автографа,

Тогда, на забаву фотографам,
Пластинку целует прекрасная.

2.

Звезду лимузин умчал вскоре.
И всё это было немыслимо.
Под залпами взглядов завистливых
Брёл, в счастье не веря такое.
Он долго дрожал в эйфории,
Не помнил, какой шёл дорогою
Домой, а в душе молодой его
Уж радости сказка творилась.

И стёрся старанием лет,
Пускай, отпечаток помады –
Но помнит он самый отрадный
Желанных овальных губ след.
Того отпечатка хозяйку
По-прежнему он вспоминает –
Ведь прошлого радость не тает,
И не улетает чайкою.

* * *

Слабак, чтоб без иллюзий были нам видны
Матёрость, сила, – храбрецом спешит назваться.
О, если бы все люди были так сильны,
Чтоб в слабости своей могли признаться!

Мой город

Этот город внезапно захватит сознанье.
Он сомкнёт веки штор с наступленьем зари.
Окунает он в улиц своих серозданье
И рапсодию ночи уныло творит.

Дыма серые стяги над царством промзоны
И колёс электричек пронёсшихся бит
До тоски, безразличия с детства знакомы –
Их не хочется знать, невозможно забыть.

Этот город поёт: из чугунного горла
Вой машин и станков – до родного крыльца.
Его тело – скелет площадей и заборов,
Жизни ток – в трансформаторных гулких сердцах.

Он театр индустрий, где путей за кулисы
За табличкою «Вход воспрещён» не видать.
И спокойно живут здесь одни оптимисты –
У них радость светлее и горше беда.

Я бы мог этот город шагами измерить,
Но карьер здесь – глубок, а гора – высока.
Не ушло ещё с улиц советское время
И движенье с Москвы направляет река.

Но в пьянящей тиши светлых парков и скверов
Неустроенность душу отпустит и вновь

Всё, что радует – станет ядром твёрдой веры,
И к родимым местам не исчезнет любовь.

Для меня этот город – родная обитель –
Стала частью непознанной мною судьбы.
Этот город я много бранил, ненавидел,
Потому что не мог никогда разлюбить.

Час пик

Вновь плыву рекою улиц
Сквозь толпу я стилем брасс.
Напряженье. Вены вздулись.
Ярко-красный лиц окрас.

Воздух высосан из лёгких,
За висками – сердца стук.
Но секундной стрелки плётка
Гонит всех в привычный круг.

Время городу – хозяин,
Бой часов ему – закон.
Вывески молчащих зданий
Льют неоновый огонь.

И на ткани стёкол вышит
Ярко-жёлтый солнца блик.
С тротуара и по крыши
Город вышколил час пик.

Запомню я тебя такой

(девушкам-военнослужащим)

И в мороз, и в зной на страже мира –
Так сбылась мечта далёких лет.
Не творила ты себе кумира –
Это на призыв души ответ.
Ты в строю ступать привыкла твёрдо,
Топчешь пыль и месишь грязь кирзой.
Знала в жизни вкус полыни, мёда...
И запомню я тебя такой...

Автомат – ему молчанья хватит,
Забирает рук твоих тепло.
Покоряешь всех в вечернем платье –
Красота сразит любое зло.
Просто счастье греть дыханьем руки,
Что и после службы непростой
Столь мягки, изящны и упруги.
И запомню я тебя такой...

Я совсем не против твоей страсти
Родине служить. Всегда была,
Вне казармы и военной части,
Ты мягка ко всем и весела.
Мужество и честь – от войн лекарство,
Но храни и нежность, и покой,
Ведь они не слабость, но богатство.
И запомню я тебя такой...

Восточное свидание

Я помню, что однажды это видел,
Наверное, в полузабытом сне –
Твой первый взгляд, что пробежал по мне,
Подобно быстрой приливной волне,
Казалось, был невинно безобиден.

Я помню, что однажды это слышал...
Как в тишине благоухал сандал,
И плакал твой божественный ситар.
И звук один, прозрачный, как хрусталь,
Застыв, я слушал – как ты томно дышишь.

Я помню небо с медальоном лунным.
И, таинством пленительным маня,
В кадильнице дрожал цветок огня.
Роскошная постель звала меня
Желанием приятным и безумным.

И помню я приток горячей крови,
Как фимиам густой окутал лица.
И ты была моею чаровницей.
Как никогда хотелось мне забыться,
Нырнув в очей агатовых безмолвье.

Бескрайней страстью душу мне наполнил
Твой полувздох невольный – ожидания,
Твой полувзгляд нечаянный – желания.
Сей полусон – восточное свидание
В долине грёз – я навсегда запомнил.

Резонанс

Как давно позабылась Земля во вращенье,
И частотных вибраций не чувствуем мы.
Замечаем ночей лишь и дней возвращенье,
Не встревожит ничто уже наши умы.

А Земля-то насытилась кровью и пеплом:
День придёт – сотрясётся каскадами герц, –
Дрожь Земли резонансом дотронется тела
И заглушит биение наших сердец.

Дрожь от тысячи битв, притеснений и травли,
От разрывов снарядов, от плача детей,
Долго будут Земли геометрию править
На бесплодных равнинах курганы костей.

Что погибнет – не внемлет мольбам о прощенье.
Ничему не воскреснуть под знаменем зла.
Пусть давно потерялась Земля во вращенье,
Но, что было дано ей, пока сберегла.

Город Световой Реки

Мой дом скрывает жизнь в аквариумах окон,
Асфальт блестящий истекает вниз по улице.
И бьёт фонтаном фонарей, искрится током
Пульс моей жизни в проводах – тьма не подступится.

И можно здесь не спать, пока не встретишь старость.
И слушать чей-то шёпот или чьи-то выкрики.
Как много светлых душ людских здесь потерялось,
И гонит их куда-то Город Световой Реки.

Но, что ни ночь, он дразнит светом, ослепляет.
Водовороты площадей поют про страх и власть.
И повторяют мне, в мелодию скрепляя:
«Свети и падай в нас! Поэт, свети и падай в нас!»

Стремлюсь я жить, но от проблем не прячась в кокон,
Чтоб из него смотреть на всё и всех да хмуриться, –
Мой дом скрывает жизнь в аквариумах окон,
Пульс моей жизни в проводах – тьма не подступится.

Блюз по ушедшей любви

Я в урну из-под праха
Замуровал весь пепел
Ментоловых завёрток,
Что выкурил в любви.

Держал хвост пистолетом,
Чтоб всею грустью сразу
Пальнуть по телефону
При первом же звонке.

Я выпустил кассету
Мелодий диктофонных
Со звонким стуком сердца,
Погибшего вчера.

Я в ночь глядел и видел
Тот кадр, что двадцать пятый,
От стёршейся рекламы
Про сладостную жизнь.

И шторой занавесил
Десятки мониторов
Зажатых зданьем окон,
В глаза впустил я тьму.

И в кровь стирал я губы
О дуло саксофона,
«Жучкам» разведок всяких
Играл слащавый блюз.

Мелодией захваченный,
Не мог проститься с грустью,
Что соло моё робкое
Не слышала сейчас...

Но ты мой адрес знаешь –
Не тот, куда послала.
Мне пару строк признанья
Черкни на злобу дня.

В газетах, что читаешь,
В журналах, что листаешь, –
Нигде не встретишь правды
Правдивее своей.

Стучи по батарее –
Я всё-таки услышу,
Что блюза оправданье
Твой аккомпанемент.

Железные птицы

Я знаю – вздрагивает небо,
Когда набухшим белым нервом
В нём след оставит самолёт.
Лазурь пронзит воспоминанье,
С годами тяжкими свиданье
Холодным страхом обдаёт.

В те времена чуть свет взлетали
Железных птиц две грозных стаи
На встречу в синих небесах:
Одна – с горящего востока,
Другая – с запада. Жестокость –
Была в их низких голосах.

Они воинственно визжали,
И стая стаю пожирала
Гонимым яростью огнём.
Гадало небо: что за птицы?
Что на земле им не сидится –
Ни ночью мира нет, ни днём...

Но хищник с запада явился –
Шёл на восток и грозно бился.
За ним – руины, плач и смерть.
Но год прошёл, второй и третий –
Спокойно небо на рассвете,
И хищнику уж не взлететь...

Шли годы – птиц железных стаи
Огнём друг друга не пронзают –
Плывут средь облачных аллей.
А небеса – покоя полны,
Но птиц воинственных не помнят –
О них вся память на земле.
И память будет на земле!

Буря дальних дорог

Как чарует меня
Небо в кольцах огня
Над размытой развилкой дорог.
И в ненастную ночь
Быть под небом невмочь,
Даже страшно ступить за порог...
Убегал со всех ног
Бедный путник как мог
От очей Бури дальних дорог.

Буря следом неслась –
Необузданность, страсть
Проносила над платом дорог.
Лес трепещущий жгли
И сверкали вдали
Только пятки её молний-ног.
И сквозь дыма столбы
И пожарищ клубы
Лес кричал о пощаде мольбы.

Отступи и уйди,
Но не встань на пути
Бури дальних забытых дорог.
Ведь в ней жалости нет –
Где застыл её след,
Никогда никто выжить не смог...
К дому путник бежал –
В спину тысячей жал
Ударял смерти огненный жар.

...Путник спрятался в дом,
А за дверью, под гром,
Бесновалася Буря во мгле.
И к окну подошёл
Путник, заворожён
Силой яростнейшей на земле...
От окна – к нему шар,
Бури словно бы дар,
В нём – коварнейших молний... удар!

Белые голуби

Маме

Белые голуби – блёстки рассветные,
Крыш городских вы краса.
Сердцу милы вам бескрайние, светлые
(Где отдыхают мечтанья заветные),
Дышащие небеса.

Белые голуби – дружные птицы,
Птицы свободных высот.
Вам неизвестны мирские границы!
И в голубятне ночами вам снится
Свежесть лазурных красот.

Белые голуби – крылья свободы,
Весть торжества красоты.
Вестники мира, посланцы природы,
Пусть малочисленны ваши народы,
Вы так близки и просты.

Белые голуби, милые взору,
Сели за окнами в ряд.
В зимнюю или же летнюю пору,
Искренне веря в людскую опору,
Мирно у окон парят.

* * *

Бреет бледный подбородок
Сонный месяц в поле туч.
Пробудившийся туман,
Как миражный караван,
Убаюкивая воды,
Ходит, зябок и летуч.

И мосты, как телескопы,
Изучают звёздный сад.
Поутихшие вороны,
Сбросив снежные попоны,
На мосту, присев на стропы,
Звёзды в небе сторожат.

Блюз

Ветер кликал меня
Через вымокший дол:
Он от сырости дня
За теплом ко мне шёл.
Я ему: «Не тревожь,
Сам продрог, аж до пят!»
Я привёз с собой дождь
Как частичку себя.

И сказал ветру то,
Что спешу я к тебе.
(Вырвал волос седой –
Как успел поседеть?)
Уж не так я хорош,
Но назад мне нельзя.
Я привёз с собой дождь
Как частичку себя.

А я ехал чуть свет,
Я от страсти дрожал –
Сколько зим, сколько лет
Я тебя не видал.
Не волнуй и не трожь
Боли прошлого дня.
Я привёз с собой дождь
Как частичку себя.

Не скажу я: «Привет!» –
Но скажу я: «Ну что ж...»
А грехи прошлых лет
Смоет утренний дождь.
И тобою я пьян,
На кого я похож!
Как частичку себя
Я привёз с собой дождь.
На кого я похож!
Как тобою я пьян!
Я привёз с собой дождь
Как частичку себя.

Жара

Жара красит ярко-оранжевым
Мой город, с рассветом придя.
Прошу у зарёю разглаженных
Небес хоть немного дождя.

Рекламы – потёртыми стягами,
Фонарь – как засохший камыш.
И к небу мой город протягивал
Ладони шершавые крыш.

И ты где-то в поле, за городом,
Ждёшь влажную свежесть небес –
А небо раскинуто пологом,
Примяв не проснувшийся лес.

Я помню, звала за собой меня
В край сочно-зелёных широт –
Душа моя городом поймана
Давно в улиц круговорот.

Мой мир – тротуары и здания –
С рождения манит меня.
Покой и просторы бескрайние
Мне сердцем уже не понять.

За городом – в поле отправишься,
Где не надышаться никак.
И до облаков не дотянешься...
А в городе – это пустяк.

Но ты – всё, что в жизни мне дорого.
К тебе еду, спрятав в карман
Добытое снежное облако,
Завёрнутое в целлофан.

Падающая звезда

Любая звезда всё равно упадёт.
Нет вечного в мире. Но это – не главное.
А кто-то, смотря на последний полёт,
Своё загадает желанное.
И ты загадай – вдруг, в паденье горя,
Звездой на прощание будет исполнено.
Не бойся надежды свои доверять
Светилу, летящему молнией!
А коль не исполнилось – каждый поймёт –
Виною всему до небес расстояние.
.....
А если моя вдруг звезда упадёт,
Ей кто загадает желание?

* * *

В жестоком мире
Мужественных женщин
Пусть жизнь не превратит в мужеподобных,
И хрупкие и нежные их плечи
Вовек не знают грузов неподъёмных!

И светел взор - без сдержанной печали.
Не будет перелома непростого,
Когда страдает женщина ночами
Без рук мужских и без плеча мужского.

Исчезнут пусть их лиц тяжёлых маски,
И дни без счастья, годы без надежды,
И кожа, огрубевшая без ласки,
Сокрытая бесформенной одеждой.

Пусть женской красоте мир рукоплещет,
Уставший от разводов и раздоров!
И пусть за слабость жизнь прощает женщин –
В мужских плечах найдут они опору!

Влюблённость и любовь

Потоки жарких чувств и слов
Рождают неопределённость:
Случается, что за любовь
Вдруг принимается влюблённость.

Влюблённость подчиненья ждёт,
Увлечь тебя спеша мгновеньем.
Любовь – не сразу настаёт,
Не принуждая к поклоненью.

Влюблённость – имя сна возьмёт,
Чтоб сном из памяти стереться.
Любовь – себя не назовёт,
Чтоб навсегда остаться в сердце...

Расставание

Истлевшее солнце мы вдаль провожали…
И встретив луну этой скомканной ночи,
С тобой расставались. И рук не пожали…
Ведь были тогда мы наивными очень.

И льдинки печали блуждали по жилам,
И дождь ледяной колотил в наши лица,
И прошлое счастье куда-то проплыло,
И было так сложно с тобою проститься.

А стужа осенняя нами играла –
Хотелось обнять нам друг друга, согреться,
Но мы понимали, что дружбы не стало
И нам никуда от разлуки не деться.

Ночной поезд

Сухожилия улиц твой город зажали.
Пересвет жёлтых окон растает в ночи,
И прорвёт странный поезд застывшие дали,
И потушит огонь одинокой свечи.
Он придёт в тихий час по пути Ниоткуда,
По пути Ниоткуда на путь Вникуда.
Только в кухне покинутой звякнет посуда,
И, упав, разобьётся на капли вода.
Ты не чувствуешь времени, где-то зловеще
Лязгнут ножницы-стрелки старинных часов,
В сбитом зеркале за разветвлением трещин
Замелькают сюжеты несбывшихся снов.
Знай, что поезд ночной будет гнать напрямую
Напряжённою тьмою притихших квартир.
Всех желающих мчит он, стуча, в даль немую,
В ту – что Вечность зовётся – в неведомый мир.
Эта ночь – твой подарок средь лунного блица.
Ты покинешь навек свой безжизненный кров.
Над тобой исказятся от ужаса лица,
Не услышишь ты стон из их рупоров-ртов.
Ты войдёшь в этот поезд. Со скоростью молний
Он умчит тебя в точку отсчёта конца.
Ты не сможешь забыть и не сможешь запомнить
Дрожь бледнеющих скул своего же лица...
Заскрипят, будто плача, пустые вагоны,
Предвещая бессмысленный страшный итог,
И тебя оглушит, осуждения полный,
Возвещающий об отправленье гудок.

Не грусти, бульдог!

Из родного уютного дома
Привезли тебя в мир незнакомый.
Не так ли, бульдог?
Новый дом и неизвестен,
И совсем неинтересен.
Только ты у мягких кресел
Примоститься всё же смог.

И похожи на куклы болонки,
Что о чём-то болтают в сторонке,
Смеясь над тобой.
Ну а ты вздыхаешь кратко
И глядишь на них украдкой,
А в душе – ох как не сладко! –
Обливаешься слезой.

А по кухне шатается кошка,
И глаза у неё, словно плошки, –
Туда ты не смей!
Как нахальна эта кошка!
Погонять её бы, крошку, –
Ту упитанную рожку, –
Вот бы стало веселей!

И не надо скучать, ой, не надо!
Пусть вокруг всё тебе и не радо,

Поднимись, мой друг!
Встань, бульдог, и не сдавайся,
В чуждом мире не теряйся,
Сбросить груз ты постарайся
Всех душевных мук.

Ворона на лестнице

По ступеням вверх с утра проворно
Прыгала на лестнице ворона.

Я гадал: «Что с птицей, право слово?
Вроде крылья целы и здоровы -

Утруждаться вовсе нет причины:
Пара взмахов - мигом на вершине».

Только есть причина для стараний:
Так вершина более желанней.

Был бы я крылат, как та ворона,
Прыгать тоже было б не зазорно.

Закат на Москве-реке

Горизонт, –
Что нить накала,
Красная тугая нить.
Оттомилось, отпылало, –
Но как хочется любить!..

Разум –
Словно дно колодца,
Мыслей бликами манит, –
Ниспадая, плачет солнце,
А от слёз река горит.
И когда
Заныло сердце
От наплыва прежних чувств,
Захотелось оглядеться –
Без любви весь мир был пуст...

Грусть –
Она что запах хлеба
Среди убранных полей...
Смущено под вечер небо
Наготою тополей
И краснеет.
Неизбежна
И знакома боль утрат...
Но с не меркнущей надеждой
Созерцаю я закат.

В ПОЛНОЧНОЙ ТИШИНЕ...

Полёт и бег

Летать и не видеть преград для полёта,
Бежать, огибая препятствия все.
Есть в действиях этих похожее что-то,
Но каждый своей только верен стезе.

Летящему чужды проблемы земные,
Бегущий не знает уюта небес.
Но что их сближает? Мечтания, сны ли?
А может быть, общий у каждого крест?

Земля-мать творений своих не отпустит
И вертится против движения их.
А вдруг во внезапном искрящемся чувстве
Судьба станет общей для этих двоих?

Но странник небесный земли не коснётся,
Рождённый бежать не умчится в полёт.
Рождённый летать обожжётся о солнце,
Бегущий до крови подошвы сотрёт.

Но встретит обоих струна горизонта,
Где небо с землёю скрепились навек...
И вспыхнет в лучах восходящего солнца:
Что ж лучше – полёт или бег?

Мистическая поэма

Я всегда с неуёмным волненьем
Ожидал новой встречи с тобой.
Жил с глубоким в душе опасеньем,
Что подаришь другому любовь.
Как же был я ревнив, насторожен!
Ты смеялась над этим: «И пусть!
Да, уход мой, конечно, возможен,
Но к тебе, обещаю, вернусь!»

Не смирился с насмешкой такою,
Но: «Поверь ей!» – велела судьба.
К тому времени как стал спокоен,
На земле вдруг не стало тебя...
Да, тебя унесли и обмыли,
Запечатали в тёмном гробу.
И в душе пряча горькие мысли,
Про себя проклинал я судьбу.

День за днём вспоминал наши встречи,
Созерцал твой портрет на стене.
И тогда каждый день в поздний вечер
Ты ко мне приходила во сне.

Видно, в горькой тоске по утрате
Я увидел в причудливом сне:
Ты сидела на спинке кровати,
Улыбаясь с грустинкою мне.

Время шло, и тяжёлое горе
Постепенно сходило с души.
Стал героем я новой love story –
Вновь любви ураган закружил.
И пока безоглядно влюблялся,
О тебе я успел позабыть –
Ты во снах, что я ждал и боялся,
Перестала ко мне приходить.

И когда я с потерей смирился,
Потерялся средь хлопот-лавин,
Образ твой со словами явился:
«Скоро ты снова станешь моим!»
Захандрил я от мрачной тревоги.
Разум звал: «Поправляйся скорей!»
Я пошёл по знакомой дороге,
Чтоб дойти до могилы твоей.

Но весь мир для меня мигом рухнул.
Ветер злой по лицу мне хлестал,
А во рту стало горько и сухо:
Оказалось, могила – пуста!!!
Созерцал я с немым потрясеньем
Каждый след твой, прикрытый травой...
Я опять с неуёмным волненьем
В ожидании встречи с тобой.

* * *

Пасмурный день
И люди в толпах с походкою зомби.
Прячется тень
От взглядов фар, полных бреда и злобы.
В молчании стен
Строкой капризной опутан, окован.
В пасмурный день
Мне предстоит танец мысли и слова.

Тёмные воды

Я помню долину реки за колодцем.
И слышатся мне всплески тёмной воды.
Река и колодец под утренним солнцем
Как чёрные тени в пейзаже видны.

В жару из колодца уже не напиться,
В реке не поймать поутру карасей.
А в тёмной воде отражаются лица
Ушедших навеки родных и друзей.

Зачем я пришёл, если нет мне покоя,
Терзанья – к душе беспощадны и злы?
Как много мостов сожжено над рекою –
Но стала ль светлее река от золы?

Я выйду на берег, взгляну в эти воды.
По глади реки пробегут стороной

Надежд неисполнившихся пароходы,
Печаль напуская – волну за волной.

Я сяду и руки сложу на колени,
И будет шептать мне о прошлом вода...
Я сделал скамейку, мосток и ступени,
Чтоб мне было легче вернуться сюда.

Вагонные думы

Пусть кто-то по жизни пройдёт, как по шпалам,
Иной - пролетит на составе товарном,
А третий - спокойно займёт своё место в купе.

Блеснёт сталактитом фонарных сосулек,
Послышится спор глуховатых бабулек
О жизни, о пенсии, подорожавшей крупе.

И в памяти вдруг в золотой лунной дымке,
Скрипя, граммофон проиграет пластинку,
Продолжит в ночи календарь бесконечный отсчёт.

А в полные луны и шали рассвета
Поэт сотворит вдруг балладу о свете,
Вздыхая, в раздумье покусывая колпачок.

Поэт будет слушать знакомые звуки,
Дыханьем согреет озябшие руки
И будет писать, торопя ручку синих чернил.

И всё потечёт по знакомому кругу,
Стихи посвятит он старинному другу
И звуки услышит, что раньше когда-то любил.

А в полные луны и шали рассвета
Поэт сотворит вдруг балладу о свете,
Вздыхая, в раздумье покусывая колпачок.

И в памяти вдруг в золотой лунной дымке,
Скрипя, граммофон проиграет пластинку,
Продолжит в ночи календарь бесконечный отсчёт.

Блеснёт сталактитом фонарных сосулек,
Послышится спор глуховатых бабулек
О жизни, о пенсии, подорожавшей крупе...

Пусть кто-то по жизни пройдёт, как по шпалам,
Иной - пролетит на составе товарном,
А третий - спокойно займёт своё место в купе.

Ода рваному тапку

Он жил и живёт лишь одним настоящим,
Он был продолжением моих шагов.
О, мой рваный тапок, ты, на полу спящий,
Псом старым лохматым хранишь от врагов
Меня и покой моих чувств и слогов.

Ступни охранял от холодного пола
И утром всегда ждал моих босых ног.

Ты верно служил моим точкам опоры,
Тепло сохранял под подошвой как мог.
Теперь же – сочувствующий тебе вздох.

А твой брат-близнец так давно канул в Лету,
Что ты с ним не вспомнишь перемещений.
Истёртый, засаленный, солнцем согретый,
О, мой рваный тапок в дни важных решений
Берёг мою поступь, дав радость ношенья.

Своё согреваешь ты пузо-подошву
И щеголяешь рубашкой из пыли.
Невольно убежищем стал ты для мошек.
О, сколько с тобой мы по дому ходили,
Да только следы тех времён уж простыли.

Послание

Немногое о многом – о любви
Пишу. Бежит рука, за нею – строчки.
И мысль бежит, и далеко до точки –
Так много чувств ты, сердце, не зови!

Как много слов, а ночи коротки,
Дрожат в приятном нетерпенье пальцев.
Рука – давно забылась в жарком танце,
И как ничтожны кажутся листки!

Но как закончить мне письмо, когда
Мне режут мысли точки, запятые?

Ищу слова, такие непростые,
Чтоб нас с тобой связали навсегда...

Поверь, когда прочтёшь мои стихи,
То чувство я далёкое познаю,
Что ты прочла... А сердце, изнывая
В плену груди, пусть звукам не внимает,
Но к чувствам не бывать ему глухим!

* * *

Тёплой ночью, мрака плащ накинув,
Вижу я, как в комнате твоей
Лунный луч то гладит твою спину,
То скользнёт в ложбинку меж грудей,
Освещает магию и нежность,
Мягкость черт расслабленных твоих.
Сдержанный покой и безмятежность
В твоей позе. Сердцем звук творим –
И ни звука боле, ни движенья.
Друг от друга скрыты темнотой,
Так близки – в своём воображенье,
Пленены мы страстною мечтой...
Бурною фантазией влекомы,
Пламенные, как огонь свечи,
Мы друг другу словно бы знакомы,
Наши взгляды встретились в ночи.
Матово блистает твоя кожа,
И покой у плавных дуг бровей.

Как ласкаешь тело в своём ложе –
Заворожен я игрой твоей!
Знаешь, что сгораю я в желанье.
Ты представишь: я – красив, плечист...
Я – несу с собою звёзд сиянье,
Верный лишь тебе вуайерист!

Пыль на ветру

Сколько ж раз
Строим замки только для себя самих?
После нас
Не останется фундамента от них.
Пыль на ветру.
Эти замки – пыль на ветру.

Сколько ж дней
Мы рутине будем отдавать себя?
Нам видней.
Деньги привлекают нас, собой слепя.
Пыль на ветру.
Деньги – только пыль на ветру.

Вечности
Не бывает в мире человеческом.
Нам нести
Мысль о ней в сознанье покалеченном.
Пыль на ветру.
Мысли эти – пыль на ветру.

Что же мы?
Нам укажет ветер путь, туда и мы.
Рождены,
Разве для простоя все мы рождены?
Пыль на ветру.
Жизнь в простое – пыль на ветру.

Двигаться –
С мёртвой точки двигаться – наследство нам.
И лица –
Не давать лица исхлёстывать ветрам.
Пыль на ветру.
Все мы – только пыль на ветру.

Депрессия

Окно во двор рябит квадратом ночи.
Я просто тень. Но мне так нужен свет,
Чтоб осознать в сиянии непрочном,
Как поступить... Но мне ответа нет.

Во мне – борьба усталости и мысли.
Тревожит взгляд настенный календарь –
Что в полночь станет
День одним из чисел...
А за окном повесится
Фонарь.

Звезды мерцающий бег

Стёкла дрожат от хрипящего кашля –
Осенью поздней во тьме ошарашены,
Цветом бездны окрашены.
И падал бесшумно созвездьями снег,
Бил по глазам. Но смотрел человек
На звезды мерцающий бег.

Двери скрипят в предвкушенье чего-то.
Печать на губах неприкрытой зевоты
И мыслей туманных работа.
Слёзы блестели звёздным отчаяньем –
Светило завесили тучи нечаянно,
И струны души зазвучали.

Разум раздавлен от мыслей раскола.
Люди кругом поднимают вверх головы
С глазами, надежды полными.
Нет космолёта, но нет и ракеты
К звезде подлететь. Но ярче кометы
Есть жизнь в ожиданье ответов
На вопросы заветные.

Пирушка

На маленькой опушке
Погожим вечерком
Устроили пирушку
Со вкусным шашлыком.
Но разожгли мы только
Костёр с охапки дров,
Как три лохматых волка
К нам вышли из кустов.

Ну что же, гости наши,
Давайте посидим –
Вмиг станете вы краше,
Лишь стопку вам дадим.
Эх, жаль, что скоро станет
Бутылочка пуста!
Мы с пьяными волками
Гуляем у костра.

И стали после пятой
Нам волки душу лить.
По-русски и понятно
Нам стали говорить,
Что жизнь у них голодная,
Опасная пошла,
Зима грядёт холодная –
Такие вот дела!

И зайцы уж не водятся,
И фермы уж не те,
Да живность не разводится –
Всё овощи везде.
Эх, жаль, что скоро станет
Бутылочка пуста!
Мы с пьяными волками
Гуляем у костра.

И волки даже вспомнили:
В прошедшие года
Цыплята, козы, кони ли –
Была еда всегда.
Во поле тихом чистом
Спокойно пасся скот.
И действовали быстро,
Пастух лишь прикорнёт.

Сейчас, хоть поле чисто,
Добычи – никакой.
Там ветер с тяжким свистом
Грустит по жизни той.
Эх, жаль, что скоро станет
Бутылочка пуста!
Мы с пьяными волками
Гуляем у костра.

Под солнцем утомлённого Стамбула

Над Турцией палил нещадно солнца шар.
В Стамбуле в час дневной уже спекалось лето,
И муэдзина зов к молитве оглашал
Невидимый динамик минарета.
Усталая толпа навстречу мне текла,
Я с группой россиян шёл от Святой Софии.
И тут в моей душе сто факелов зажгла
Турчанка ясным взором глаз сапфирных.
На платье, как живой, играл округлый блик,
И ткань чалмы волос её не покрывала.
Кудрей волнистый ток и тёмных щёк налив –
Не от жары – от них во мне пылало.
И словно бы тогда Востока волшебство
Меня своей красой и тайной волновало...
А девушка в лучах казалась божеством
И наш язык как будто понимала.
Я начал разговор: «Скажи мне, чья же кровь
С турецкою в тебе?» Она мне отвечала:
«Отец мой – русский, здесь нашёл свою любовь.
А мама – чистокровная турчанка».
Сладка родная речь – да на чужой земле.
Влюблённость же – вне стран,
границ и расстояний.
Но не гнала меня и улыбалась мне,
Маня зелёным взглядом постоянно.
Я льстил ей невпопад и звал к себе в отель,
Я таял перед ней, теряясь в разговоре.

Дрожа, что хрупкий лист, я так её хотел…
И ждал ответа, словно приговора.
И был её ответ: «Не надо много слов.
Всё видно по тебе – ты утомлён жарою.
Тому отдамся, кто во мне зажжёт любовь,
И лишь ему я всю себя открою.
Желание твоё – как солнечный удар,
Всех сил тебя лишит, неся опустошенье.
А страсть скрывает яд, как белый олеандр, –
Тот яд несёт печали и лишенья…
Меня же вспоминай холодным днём в Москве,
И приезжай сюда ты в будущем июле.
А чувства береги – вот мой тебе совет.
Любимой их откроешь... Гюлля-гюлля!»*
Я помню, как она покинула меня,
Улыбкою дразня и лёгкою походкой.
Я был в тоске, вокруг погасли краски дня.
А встреча оказалась столь короткой.
Запомнил навсегда весёлый долгий взгляд
В толпе, что от меня турчанку отдаляла.
Хотел её позвать, догнать, вернуть назад,
Но поспешил за группою к вокзалу.
Я шёл – в моих глазах весь город увядал
В потоке тёмных лиц и городского гула.
Томление в душе – мне как последний дар
Под солнцем утомлённого Стамбула.

* До свидания! (турецк.)

Ночлег в лесу

Уверен, те, кто мир лесной с восторгом хвалят,
Пленяясь тишиной боров или дубрав,
Ни разу средь его чащоб не ночевали,
Когда костёр угас, все искры растеряв.

И крышкою небес, опущенной на кроны,
Вдруг заколотит ночь скрипучий леса гроб.
Почуяв близко кровь, завоет волк голодный,
А Леший преградит пути знакомых троп.

Под шелест листьев и похрустыванье веток -
Ветра заверезжат, пророча всем беду,
И примутся кружить над шалашом при этом,
Как стая грифов, что кончины жертвы ждут.

А к спящему придёт Дух Леса молчаливый,
Тяжёлою стопой ему придавит грудь,
Чтоб с пробуждением почудилось тоскливо,
Как будто в жилах всех не кровь течёт а ртуть...

* * *

Ты ушла, и я побрёл тропкой лунною пруда.
И оставил город с ночью, с его тёмной водой.
Шёл туда, где не услышу, как гудят провода,
Где взлетевший самолёт стал далёкою звездой.

Но за мной всё смешалось в танце зимнего дождя,
И, увы, передо мною нынче тоже – ни зги.
И теплом не отзовётся, в мои мысли придя,
Каждый – тела твоего – неприступный изгиб.

Но тебе отдал я свет, незаметной тенью став,
А в ответ стихам к тебе была одна пустота.
От былого ослепленья красотой – темнота,
И она – чернила к жизни с чистого листа.

Пусть теперь мне всё равно –
вернусь с надеждой иль без,
Ты своей любви ответной не дала мне вкусить...
А взлетевший самолёт покинет лоно небес
И раскинет для объятия с землёю шасси.

Про гордого страуса

Я – гордый страус, курю самокрутки,
Делю с доберманом я комнату в будке,
А утром – кукую, пугая посланцев из ЖЭКа.
А коль старый ворон найдёт свой вставной
И старенький клюв, воем мы под луной,
И жить мы не можем без «дурака» и «Блэк Джека».

Я жизнь свою прожил, признаться, не зря:
Все дальние избороздил я края
И мог бы стать космотуристом, жаль только, не вышло.
Я творчески развит был лучше других:
Пел Фрэнку Синатре на День Всех Святых,
И он мне признался, что пения лучше не слышал.

Скажу, всесторонне я был одарён;
Учил Джеки Чана я в стиле своём
Движеньям балета, ушу и креольского танца.
И каюсь, что глупость я раз прокричал.
Услышал Герасим – и вмиг замолчал,
Чтоб не было в мире прекрасном подобного фарса.

Но вот только палец мне в рот не клади:
Я близко знал Волка из «Ну, погоди!»
И мы вместе с ним ковырялись в моём огороде.
Во мне вдохновенье нашёл Рафаэль,
А Хилтон всегда приглашал в свой отель –
Я отдых с «Гринписом» тогда предпочёл на природе.

Я много б чего ещё мог рассказать:
Колумбу Америку смог показать,
Корсаров учил то, что дорого, в землю закапывать.
Ещё докажу, что лечил раз без шуток
Я Гаргантюа от расстройства желудка,
Эйнштейна с Декартом учил многочлены раскладывать.

Тогда же Грейс Келли мне выдали в жёны,
Лев Яшин мне мяч посвятил отражённый,
И памятник мне возвели в конце сотого века...
Но – я лишь страус, курю самокрутки,
Делю с доберманом я комнату в будке,
А утром – кукую, пугая посланцев из ЖЭКа.

Фонари

Отсиял последний луч зари.
Я стою, смотрю с моста, как дивно
Покрывают светом фонари
Тротуар безлюдный у «Спортивного».
Зачаровано на них смотрю,
Как на символы благополучия.
А они – стоят себе в строю,
Будто шепчут мне: «Мы верим в лучшее!»
.....
Эти строки как-то год назад
Написал я, но теперь, конечно,
Фонари без лампочек стоят,
Горько шепчут мне: «Ничто не вечно!»

* * *

Если кто-то вас жалеет,
Нужно сесть тому на шею.

И при том не будет лишним
Помнить вам о добром ближнем:

Повстречав, спросить, жалея
Про себя: «Как ваша шея?»

Если скажет он: «Терпимо!» –
Знать, ему и не противно.

Если ж ближний говорит вам:
«Ломит сильно, ну-ка слазь!»

Не теряйтесь: «Я для шеи
Знаю «суперскую» мазь!..»

Об однополых браках

И диву даёшься сам уже,
Заслышав, и неоднократно –
Мужской голосок: «Я – замужем...»,
И женщины глас: «Я – жената!»

* * *

Мы с тобой идём по полю,
Взявши за руки друг друга.
Зачарован я моментом
Этой близости с тобой.
Ведь когда любовь приходит,
Первая любовь приходит,
Кажется, два разных сердца
Робко бьются в унисон.

В небе солнце, солнце, солнце
Распахнулося лучами,
Освещая нам дорогу
Сквозь зелёный перелив.
Ведь когда любовь приходит,
Первая любовь приходит,
Кажется, два разных сердца
Робко бьются в унисон.

Улыбаемся друг другу,
Нежно смотрим друг на друга,
И блестят глаза напротив,
Будто бусинки росы.
Ведь когда любовь приходит,
Первая любовь приходит,
Кажется, два разных сердца
Робко бьются в унисон.

* * *

В осеннем парке дождь – непрошеный, колючий.
Сквозь шум его опять я слышу голос твой, –
Твоё «прощай», пробив мне сердце и измучив,
Упало, скрывшись под опавшею листвой.

Но твой поступок я обдумывал часами
И помощи искал у гордых мудрецов,
У всех, смеявшихся над теми мудрецами,
И у того, кто был последним из глупцов.

Я праведников с той проблемой беспокоил,
И грешников, и тех, кто с ними согрешил, –
Не помогли. И жил в метаниях, доколе
Головоломку ту я сам не разрешил.

Вся ясность ворвалась в меня подобно смерчу –
Ударил в спину, все вопросы сокрушив:
«Страдалец, распрямись, расправь скорее плечи,
Мне вымести позволь сор из твоей души!»

И боль не приглушив, но всё-таки очистив,
Тот смерч прошёл – унёс переживаний яд.
Лишь призраки давным-давно опавших листьев
Внутри моей души печально шелестят...

* * *

В полночной тишине, пока звезда восходит,
Все тянутся познать далёкий чистый свет.
Планеты вкруг неё уж хоровод заводят,
Чтоб каждый в мире был в сиянии согрет.

Вселенная её не скроет чернотою,
Пока звезда горит, не ведая оков.
Она объемлет мир лучистой широтою,
Оставив яркий след в движении веков.

...Земля-планета спит. Но человек познает
Сквозь миллионы лет, сквозь пыль и толщи льда,
Как ночь без звёзд скучна, как свету мир внимает,
Как холодна Вселенная, как горяча звезда.

Переводы с болгарского

Лъчезар Стаменов

С нас спросится

Почему нас безропотных столько?
Ах, в заботах своих беспросветно!
Терпим… терпим! А что же умолкли
и немотствуют наши поэты?
О, Господь, стыд меня наполняет
пред Тобою завещанным! С плохо
скрытой жадностью всяк выставляет
ерунду, мелочась... перед Богом.
До чего же смешны, как мы жалки
с повседневностью и суетою!
Ты нам путь указал, кто из мрака
поведёт нас дорогою тою?
О, и как ненавистны мне крайне
те, прикрывшиеся образами,
что вещают нам сладко, но втайне
соревнуются в гнусности сами!
Завещал Ты прощать, но иначе
вижу я - где звучала недавно
песнь "Бела съм, бела, юначе"*,
песнопенья муллы беспрестанны.

* Народная песня, в которой рассказывается об отуречивании и исламизации болгар во времена османского ига.

И сегодня, Спаситель, когда мы
жизнь свою костерим скверным словом,
Ты объемлешь всех нас своим взглядом
с горних высей... своей Голгофы.

Встреча

Вечер полон тепла, но бесшумно дождит.
И уже мне пора возвращаться в свой дом.
Ты на встречу со мной не пришла. И, один,
Я стою, заключённый в объятья дождём.

Впереди, в ночной мгле возникает твой лик.
Я рукою тянусь к нему - прочь уплывает он.
Этот незабываемый радостный миг
Жажду, словно вина Чаши Неупиваемой.

Кънчо Великов

Вина

Молясь, перед тобой я встану на колени
Под куполом, измученный виной.
Терзает плоть мою, бушует с кровью в венах -
Согнёт страшней, чем ветер штормовой.
Священная твоя слеза меня излечит!
Мой первородный грех прости и будь
Мне небом и землёю ты во веки вечные,
А я - меж ними - древо - птиц приют.

Покаяние

Разделены мы мутною водою.
Я брод ищу, но берег твой далёк.
Слова ли были брошены тобою?
Иль это брошен сор за мой порог?
Я целовал твоё лицо-икону
И ждал: в твой храм откроются врата,
Чтоб каялся я, грешник, пред амвоном.
Со мной - твоя любовь и доброта.
Послушником принять меня прошу я,
Позволишь ли вернуться в этот храм?
Свои страданья в пепел обращу я
И сердце лишь тебе одной отдам.

Кончалась ночь. Студёный сильный ветер
Сиреной ледяною начал дуть.
Но на плече чужом, другим согрета,
Усталая ты спишь. Мне ж - не заснуть.

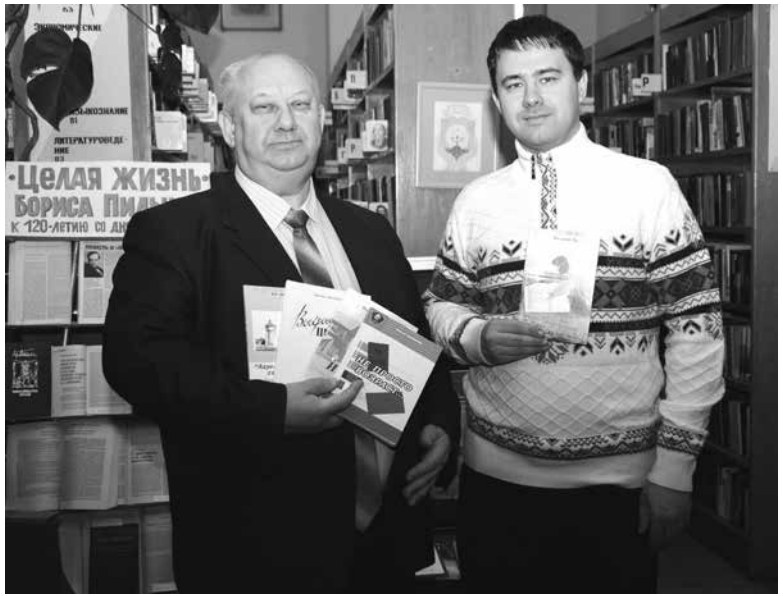
Музыка

Уходишь...
Порог переступив, ты разбудила
Уснувшие ступени.
И каждый шаг по ним теперь звучит
Подобно клавишам огромного рояля.
Слабеет ритм шагов, они всё тише, тише -
Уходишь, покидаешь ты меня...

Молю, останься, не спускайся ниже!
Здесь твой Олимп!
Здесь ты – богиня!
А вниз – дорога в ад
Постой, остановись!
Как было хорошо, когда ты поднималась
Как сердце билось радостно в груди...
Однако продолжаешь ты спускаться
И музыка ужасная рвёт душу,
Ударами по клавишам жестоким,
Неся мне одиночества беду.

Комета

Скажи мне, сердце, в чём ты провинилось?
Утратило ударам строгий счёт.
Ты от любви в комету обратилось
И устремилось в огненный полёт.
Прикосновенье Господа,
Слияние,
Сияние...
Что дальше?.. Дальше - боль...
Всё дальше и всё больше растояние.
И пропасть - между мною и тобой.
Лети, но с осужденьем не взирая,
К другой,
К другой орбите путь тори.
Не осуждай. И, полностью сгорая,
Ты звёздное мгновенье подари.

«Фамильная библиография»

Лысенков А.В. Искушение светотенью . – *М.: Интеллект-Центр, 2008 – 120 стр., ил.*

Дебютная книга молодого поэта Андрея Лысенкова, объединяющая поэзию и юность – «два неразлучных понятия, определяющие динамику, красоту и прелесть мира и возбуждающие при этом чувство очарования как совершенством своих форм, так и внутреннем содержанием, которые, сливаясь в единую субстанцию, то есть в саму сущность вещей и явлений, сотворяют вечную первооснову настоящего и будущего.» (Л.А. Дудин)

Лысенков В.И. «Адрес мой: ст. Воскресенск…». Борис Пильняк в Кривякине. – *Воскресенск: ВИА, 2005 – 104 стр., ил.*

«Рассказ... «Целая жизнь» был прекрасен сочностью красок, психологизмом и пронзительной грустью правды жизни. Но более всего изумила меня подпись: «Кривякино, июль 1915». Естественно, сразу возник интерес не только к творчеству писателя, его биографии, но и к истории появления рассказа: ведь Кривякино – часть моего родного Воскресенска», – вспоминает автор в предисловии. На страницах книги говорится как о самом мастере литературного стиля Борисе Пильняке (Вогау), так и о его литературном окружении, в том числе о С. Есенине, А. Белом, А. Ремизове, Б. Пастернаке, А. Воронском, А. Ахматовой и др. Дополняет рассказ о жизни писателя на Воскресенской земле небольшой краеведческий очерк «Город над Москвою-рекой».

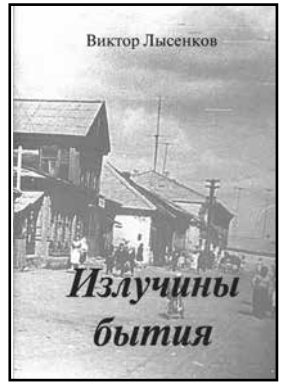
Лысенков В.И. Воскресенские пенаты. *– М.: Интеллект-Центр, 2008 – 200 стр., ил.*

Документальные очерки об истории Воскресенского края и людях, внёсших существенный вклад в его культурное развитие. Помимо прочего, на страницах книги опубликована вторая фундаментальная работа Виктора Лысенкова о писателе Борисе Пильняке и рассказ о современных поэтах и прозаиках – супругах Инне Гофф и Константине Ваншенкине, около сорока лет проживших в Воскресенске.

Лысенков В.И. Не просто возраст... – *М.: Интеллект-Центр, 2008 – 200 стр., ил.*

В книге представлены страницы истории Воскресенской ордена Трудового Красного Знамени городской комсомольской организации, начиная с 1918 года. Рассказывается о людях, когда-то активно работавших в этой самой массовой молодёжной организации. Издание содержит большое количество архивных фотографий разных лет.

Лысенков В.И. Излучины бытия. *– М.: Интеллект-Центр, 2012 – 128 стр., ил.*

Собрание биографий выдающихся жителей подмосковного Воскресенска и его окрестностей. Герои этих очерков – разные люди. В.И. Андриянов – подпрапорщик, полный георгиевский кавалер. Председатель СНК РСФСР И.С. Хохлов – во время войны – генерал, один из руководителей обороны Москвы. Отец автора И.А. Лысенков, – фронтовой разведчик, кавалер ордена Красной Звезды. Журналист А.С. Симаев – с 1936 по 1940 г. сотрудник воскресенской районной газеты, во время войны – подпольщик в коллаборационистском татарско-башкирском комитете «Идель-Урал». Монахиня Е.П. Андрианова и священник Н.В. Голышев – расстрелянные за «антисоветскую деятельность» православные верующие, причисленные к сонму святых в Соборе новомучеников и исповедников Российских. Их объединяет вера в свои идеалы, достоинство и мужество, не утраченные в тяжёлых жизненных обстоятельствах и исторических испытаниях первой половины XX века.

«Воскресенск – моя родина светлая...». *Литературный альманах. (Председатель редакционного совета В.И. Лысенков).*

Литературный альманах издаётся с 1999 года. В нём, помимо поэзии и прозы воскресенских литераторов, публикуется большой краеведческий блок, а также вернисаж работ художников и фотографов. В 2013 году альманах был удостоен специального диплома Фестиваля «Региональная книга России» (Рязань).

Содержание

С.С. Антипов. К читателю ... 3
От автора ... 4

ТИХИЕ ВСПЛЕСКИ ЛЕТЫ...

Летние сумерки ... 6
Василёк над Нерской ... 7
Колокола отчуждения ... 8
Лодка ... 10
Мой дух ... 11
Антипод ... 12
Сонет при свече ... 13
Как много теплоты в твоей печали ... 14
Маяки ... 15
Девчушка у ручья ... 16
Часть жизни ... 18
Небесный плот ... 19
Скворечники детства ... 20
Примирение ... 20
Круги ... 22
«Глаза смотрели в небо не моргая...» ... 23
Любовный треугольник ... 23
В мирах твоих волос ... 25
«Я шёл к незабудкам туманным холмом...» ... 26
Вино и страсть ... 26

ЛИКИ В ЧАСАХ...

Газетная кровь ... 27
«На предучебной практике в Дубровке...» ... 28
«Две девушки под окнами курили...» ... 29
Сонеты упадка ... 30
«Расслабляюсь и внимаю я шептанию волны...» ... 31
Алый Феникс ... 32
Накрой мою ладонь ... 34

На перроне ... 35
Перед распятием ... 36
«Я не считаю, сколько дней...» ... 38
Кошачие глаза ... 38
24-й апрель ... 39
Сорвавшийся с цепи ... 40
Високосный век ... 41
В Измайловском парке ... 42
«И кажется мне...» ... 43
Отцу ... 44
«Мы укрылись с тобою в троллейбусе от непогоды...» ... 45
Жажда грозы ... 46
Медленный танец ... 47
«Лес – корабль мой скрипучий о тысячи мачт...» ... 48
Прощай, печаль! ... 48

СРЕДИ БЕЗВРЕМЕНЬЯ...

Завет ... 50
Черновик ... 52
«Камни. Лёд. Несчастный пленный...» ... 52
Сватовство панка ... 53
Я не люблю.... ... 54
Эпитафия ... 55
«Как был же я тогда совсем несчастлив!» ... 56
В комнате с видом на стену ... 56
Письмо с горы Монтсеррат ... 57
Храни тебя Бог, Украина! ... 58
«На Мартеницу проезжал Болгарию...» ... 59
«В привидений не верю и чужд суеверий...» ... 62
Неприветливое счастье моё ... 63
От винта! ... 64
Послание недругу ... 66
Баллада о русском роке ... 66
«Твоя любовь разлуки не приемлет...» ... 68

Увлечённый художник 69
Полный штиль....70
Пламегаситель 70
Чревовещатель 72

«Моё стихотворение – это поиск собеседника»
(Из интервью Анне Зиминой, корреспонденту газеты «Деловые вести». Опубликовано в №7(414) от 1 марта 2013 года)....73

ДЕНЬ С ТОБОЮ – КАК МГНОВЕНИЕ...

Цикл «Ангелы Любви, Призраки Обмана»....80
Он её не любил 88
Ночь в опере....89
Горная речка....91
Давайте будем петь свои слова 92
Уходя....93
Время слёз....93
Письма в Англию....94
Игрушечный песок 96
Недышащий ворон 97
Мой Эдем 98

ТЕАТР НОЧИ

Вампирша 99
Облачко....101
Луна-примадонна....101
Губ овальный след 102
«Слабак, чтоб без иллюзий были нам видны...» 103
Мой город....104
Час пик....105
Запомню я тебя такой 106
Восточное свидание 107
Резонанс....108
Город Световой Реки 108

Блюз по ушедшей любви....109
Железные птицы 111
Буря дальних дорог....112
Белые голуби 114
«Бреет бледный подбородок...»....115
Блюз....115
Жара 117
Падающая звезда 118
«В жестоком мире...» 119
Влюблённость и любовь 119
Расставание 120
Ночной поезд....121
Не грусти, бульдог! 122
Ворона на лестнице....123
Закат на Москве-реке....124

В ПОЛНОЧНОЙ ТИШИНЕ...

Полёт и бег 125
Мистическая поэма 126
«Пасмурный день...»....128
Тёмные воды 128
Вагонные думы 129
Ода рваному тапку 130
Послание....131
«Тёплой ночью, мрака плащ накинув...» 132
Пыль на ветру 133
Депрессия....134
Звезды мерцающий бег 135
Пирушка....136
Под солнцем утомлённого Стамбула....138
Ночлег в лесу....140
«Ты ушла, и я побрёл тропкой лунною пруда...» 141
Про гордого страуса 142
Фонари....143

«Если кто-то вас жалеет...» 144
Об однополых браках. 144
«Мы с тобой идём по полю...» 145
«В осеннем парке дождь...» 146
«В полночной тишине, пока звезда восходит...» 147

ПЕРЕВОДЫ С БОЛГАРСКОГО

Лъчезар Стаменов

С нас спросится 148
Встреча 149

Кънчо Великов

Вина 149
Покаяние 150
Музыка 150
Комета 151

«ФАМИЛЬНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ» 152

Андрей Викторович ЛЫСЕНКОВ

ВИСОКОСНЫЙ ВЕК

Стихотворения

ООО Издательский Дом «Серебро Слов»

Сайт: *http://tvoyakniga.ru*
Телефон: *8 (926) 433-33-99*
E-mail: *serebro.slov@gmail.com*
Интернет-магазин: *http://tvoyakniga.ru/content/magazin/magazin/*

Подписано в печать 04.08.15
Формат 70x100/32. Бум. офс. №1. Печать офсетная.
Гарнитура Warnock Pro. Тираж 400 экз. Заказ № ???

Отпечатано в ГУП МО «КТ» «Воскресенская типография»
140200, Московская область, г.Воскресенск, ул.Вокзальная, 30
E-mail: vosprint@mail.ru Тел: 8(496) 442-45-42